Девушка во льду

Автор:
Роберт Брындза

Девушка во льду

Роберт Брындза

Детектив Эрика Фостер #1Новый мировой триллер

В озере одного из парков Лондона, под слоем льда, найдено тело женщины. За расследование берется детектив Эрика Фостер. У жертвы, молодой светской львицы, была, казалось, идеальная жизнь. Но Эрика обнаруживает, что это преступление ведет к трем девушкам, которые были ранее найдены задушенными и связанными в водоемах Лондона.

Что это – совпадение или дело рук серийного маньяка? Пока Эрика ведет дело, к ней самой все ближе и ближе подбирается безжалостный убийца. К тому же ее карьера висит на волоске – на последнем расследовании, которое возглавляла Эрика, погибли ее муж и часть команды, – и она должна сражаться не только со своими личными демонами, но и с убийцей, более опасным, чем все, с кем она сталкивалась раньше. Сумеет ли она добраться до него прежде, чем он нанесет новый удар? И кто тот, кто за ней следит?

Роберт Брындза

Девушка во льду

Посвящается Яну,

который помогает мне писать комедии,

а теперь и детективы

© Robert Bryndza, 2016.

© Новоселецкая И., перевод, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Пролог

Андреа Дуглас-Браун торопливо шла по безлюдной торговой улице, тихо постукивая каблучками по поблескивающему в лунном свете тротуару. Цоканье ее шпилек то и дело сбивалось с ритма – слишком много водки выпила. Морозный январский воздух обжигал ее голые ноги. Рождество и Новый год наступили и прошли, оставив после себя стылую стерильную пустоту. Мимо тянулись витрины магазинов, погруженных в темноту, которую разрывал только один грязный паб, стоявший под мигающим уличным фонарем. Внутри сидел, сгорбившись над ноутбуком со светящимся экраном, какой-то индиец, но он не обратил на нее внимания.

Андреа душил гнев, ей не терпелось подальше умчаться от паба, и потому она задумалась о том, куда направляется, лишь тогда, когда витрины магазинов сменили большие дома, стоявшие чуть в глубине от тротуара. Над ней раскинулись голые костлявые ветви вяза, сливавшиеся с беззвездным небом. Она остановилась и прислонилась к стене, чтобы перевести дух. Кровь с гудением пульсировала по телу, и с каждым вдохом легкие обжигал ледяной воздух. Обернувшись, она увидела, что ушла довольно далеко, находится на полпути к вершине холма. Позади пролегала дорога, убегающая вниз, гладкая и тягучая, как патока, полоса, омываемая оранжево-желтым сиянием. У ее оконечности кутался во мглу железнодорожный вокзал. Андреа обволакивали безмолвие и холод. Казалось, все вокруг замерло, и только пар ее дыхания поднимался в студеном воздухе. Она сунула под мышку розовый клатч,

удостоверилась, что поблизости никого нет, затем задрала свое короткое платье и вытащила из-под подола айфон. На чехле в оранжевом свете уличных фонарей слабо мерцали кристаллы Swarovski. Дисплей показывал, что сигнал отсутствует. Выругавшись, Андреа снова спрятала мобильник под подол и расстегнула маленькую розовую сумочку, в которой лежал старый айфон, как и первый, украшенный кристаллами, – правда, некоторые из них отсутствовали. Он тоже показывал, что сигнала нет.

Андреа огляделась, чувствуя, как грудь сдавило от паники. Дома стояли в стороне от дороги, за высокими оградами с железными воротами. Надо подняться на холм, рассудила она. Там связь наверняка будет. И, была не была, она позвонит водителю отца. Придумает, как объяснить, почему она оказалась к югу от реки. Андреа застегнула на все пуговицы свою коротенькую кожаную куртку, обхватила себя руками, по-прежнему сжимая в ладони, словно талисман, старый айфон, и быстро зашагала к вершине.

За спиной послышался рокот автомобиля. Она повернула на звук голову, прищурилась, глядя на фары. Их яркие лучи запрыгали по ее голым ногам, отчего она почувствовала себя еще более обнаженной. Надежда на то, что это такси, мгновенно угасла, едва она заметила, что крыша у машины низкая и над ветровым стеклом не горит надпись «свободно». Андреа отвернулась, продолжая подъем. Автомобиль урчал все громче и громче, а потом свет фар накрыл ее, отбросив белое пятно на тротуар прямо перед ней. Миновало несколько секунд, а она по-прежнему шла в круге света, почти ощущая его жар. Андреа глянула через плечо на слепящие фары. Машина замедлила ход и теперь ползла по дороге буквально по пятам.

Андреа рассвирепела, сообразив, чей это автомобиль. Тряхнув длинными волосами, она отвернулась и пошла дальше. Машина поехала чуть быстрее, поравнялась с ней. Темные тонированные стекла не позволяли заглянуть в салон, из которого неслась громкая музыка, отчего у Андреа защекотало в горле и в ушах появился зуд. Она резко остановилась. Через несколько секунд машина тоже встала, но потом чуть-чуть откатила назад, так, чтобы окно со стороны водителя находилось вровень с ней. Музыка умолкла. Мотор тихо жужжал.

Наклонившись, Андреа попыталась рассмотреть водителя через чернильное стекло тонированного окна, но увидела только свое отражение. Она нагнулась ниже и попробовала открыть дверцу, но тщетно. Андреа стукнула по стеклу розовым клатчем и снова дернула за ручку.

– Я не шучу! – крикнула она. – Я говорила вполне серьезно! Открой дверцу, а то… а то…

Автомобиль стоял на месте, мотор урчал.

А то что? – словно спрашивал он.

Андреа сунула сумочку под мышку, показала тонированному стеклу средний палец и пошла дальше, преодолевая последний участок подъема. На краю тротуара высилось огромное дерево. Спрятавшись за его толстым стволом от автомобильных фар, она подняла над головой телефон, снова проверяя, не появился ли сигнал. На небе ни звездочки; оранжево-коричневое облако висело так низко, что, казалось, можно дотянуться рукой. Машина медленно подползла к дереву и остановилась.

Андреа почувствовала, как внутри нее зашевелился страх. Стоя под сенью дерева, она осмотрелась вокруг. Густая живая изгородь обрамляла тротуары по обе стороны от дороги, которая убегала вдаль, исчезая среди неясных очертаний окутанного полумраком пригорода. Потом она бросила взгляд через дорогу и заметила улочку меж двумя большими зданиями. И даже разглядела указатель с надписью «Далидж – 1? мили».

– Поймай меня, если сможешь, – пробормотала Андреа. Сделав глубокий вдох, она кинулась бегом через дорогу, но споткнулась о толстый корень дерева, торчавший из асфальта. Лодыжку пронзила острая боль. Не устояв на ногах, Андреа грохнулась на дорогу. Сумочка и телефон отлетели в сторону. При падении она бедром и головой ударилась о край бордюрного камня, с глухим стуком, о гудронированное покрытие шоссе. Ошеломленная, она лежала на дороге в слепящем сиянии фар.

Свет погас, погрузив ее в темноту.

Услышав, как открылась дверца, Андреа попыталась подняться, но дорога под ней кренилась и вращалась. В поле ее зрения появились ноги, синие джинсы… Пара дорогих кроссовок расплылась перед глазами, двоилась. Она протянула руку, ожидая, что знакомая фигура поможет ей встать, но вместо этого одна ладонь в кожаной перчатке накрыла ее рот и нос, а вторая, так же

стремительно, схватила обе руки Андреа и крепко прижала их к ее телу. Сама перчатка была мягкой и теплой, но мощная хватка пальцев повергла Андреа в шок. Ее рывком оторвали от земли, быстро подтащили к задней дверце автомобиля и втолкнули в салон. Она ничком упала на заднее сиденье. Дверца захлопнулась, и стало теплее. Потрясенная, Андреа лежала в машине, не совсем понимая, что сейчас произошло.

Автомобиль качнуло, когда его хозяин сел на переднее пассажирское кресло и закрыл за собой дверцу. Щелкнул центральный замок, и заблокировались все двери автомобиля. Андреа услышала, как откинулась крышка бардачка. Потом шуршание. Бардачок захлопнулся. Машина снова закачалась: мужчина перебрался через брешь между передними креслами назад и уселся ей на спину, выдавливая воздух из ее легких. Мгновением позже он завел ее руки за спину и туго связал их пластиковой лентой, которая впилась в запястья. Мужчина, быстрый и гибкий, переместился на ее теле, теперь мускулистыми ногами давя на ее связанные руки. Раздался треск разматываемого толстого скотча. Андреа почувствовала, как ей связывают лодыжки, отчего боль в вывихнутой щиколотке усилилась. К резкому аромату елового освежителя воздуха примешивался острый медистый запах, и она поняла, что у нее разбит нос.

От гнева в крови забурлил адреналин, в голове прояснилось.

– Ты что, рехнулся?! – взвизгнула Андреа. – Я закричу! А кричу я громко, ты знаешь!

Мужчина повернулся и придавил ее коленями, так что она едва могла дышать. Краем глаза Андреа заметила какую-то тень, а в следующую секунду на затылок ей обрушилось что-то твердое и тяжелое. Снова пронзительная боль, из глаз посыпались искры. Мужчина еще раз со всего размаху припечатал ее по голове. Она потеряла сознание.

На дороге было все так же тихо и пустынно. С неба посыпались первые снежинки. Лениво кружась в воздухе, они медленно опускались на землю. Шикарный автомобиль с тонированными стеклами почти бесшумно тронулся с места и укатил в ночь.

Глава 1

Ли Кинни вышел из небольшого дома в конце квартала, где он жил с матерью, и оглядел улицу: всюду белым-бело. Из кармана тренировочных штанов он достал пачку сигарет и закурил. Снег, валивший все выходные, и теперь еще падал, облагораживая тротуары и дорогу, на которых уже отпечатались следы ног и автомобильных шин. От железнодорожной станции Форест-Хилл, стоявшей у подножия холма, не доносилось ни звука. Местные жители, что обычно в ранние часы по понедельникам непрерывным потоком спешили мимо него на электричку, чтобы добраться до места работы в центральной части Лондона, наверняка все еще нежились в тепле и уюте, встречая столь нечаянно свободное утро в постели вместе со своими вторыми половинами.

Везет же людям.

Ли был безработным вот уже шесть лет, с тех самых пор, как окончил школу, но прежним халявным денькам, когда он припеваючи жил на пособие по безработице, пришел конец. Новое правительство тори ужесточило меры в отношении тех, кто благополучно бездельничал на протяжении многих лет, и Ли теперь приходилось трудиться полный рабочий день, чтобы сохранить пособие. Работу ему нашли вполне себе непыльную – садовником в музее Хорнимана[1 - Музей имени Ф. Дж. Хорнимана – старейший и крупнейший этнографический музей в Великобритании, основанный в 1901 г. известным коллекционером Ф. Дж. Хорниманом. В настоящее время его собрание насчитывает около 350 тыс. экспонатов. В саду музея собрана огромная коллекция самых разнообразных растений. – Здесь и далее примеч. пер.], который находился всего в десяти минутах ходьбы от его дома. Сегодня он тоже хотел остаться дома, как и многие другие, но из Центра занятости не поступило уведомления о том, что ему разрешено не выходить на работу. В результате он поскандалил с мамой, и та в пылу спора заметила, что, если он не явится на свое рабочее место, его лишат пособия и пусть тогда он подыскивает себе другое жилье.

Стук по стеклу. В окне показалось раскрасневшееся лицо мамы. Она прогоняла его прочь. Ли отмахнулся от нее непристойным жестом и зашагал на холм.

Навстречу ему шли четыре симпатичные девчонки в красных блейзерах, коротких юбочках и гольфах. Ученицы Далиджской женской школы. Громкими голосами они обсуждали радостное событие – отмену занятий в школе – и

одновременно тыкали пальцами в свои мобильники – айфоны, сообразил Ли, заметив характерные белые наушники, болтавшиеся у карманов их блейзеров. Девочки шли, растянувшись на всю ширину тротуара, и по приближении Ли даже не подумали расступиться. Ему пришлось сойти в грязную слякотную жижу на обочине, оставленную солепескоразбрасывательной техникой. Нижние края его новых спортивных штанов мгновенно пропитались ледяной водой. Он бросил на девочек злобный взгляд, но те, визгливо смеясь, были слишком увлечены своей болтовней.

Кичливые богатенькие стервы, подумал Ли. Поднявшись на холм, сквозь голые сучья вязов он разглядел часовую башню музея Хорнимана. Местами ее стены засыпало снегом, который лип к кирпичам из гладкого желтого песчаника, словно клочья мокрой туалетной бумаги.

Ли свернул направо, на улицу с жилыми домами, тянувшуюся параллельно железной ограде, которой была обнесена территория музея. Дорога круто шла вверх, каждый следующий дом был импозантнее предыдущего. Взойдя на самую вершину, Ли на мгновение остановился, чтобы перевести дух. Снег, холодный и колючий, летел прямо в глаза. В ясный день с этого места весь Лондон виден как на ладони, до самого «чертова колеса» на берегу Темзы, но сегодня сквозь густое белое облако Ли различал лишь силуэты разлапистых громадин жилого массива Оверхилл на противолежащем холме.

Калитка в железной ограде оказалась заперта. Ли дрожал на ветру, который теперь дул горизонтально, пробирая его до костей. Музейные садовники работали под началом некоего жалкого старикашки. Ли полагалось дождаться, когда тот придет и впустит его, однако улица была безлюдна. Он огляделся и, убедившись, что за ним никто не наблюдает, перемахнул через маленькую калитку на территорию музея и пошел по узенькой дорожке, что тянулась меж высокими вечнозелеными кустарниками, которые образовывали живую изгородь.

Наконец-то он укрылся от свистящего ветра, и его обступила неестественная тишина, которую нарушал лишь скрип его шагов. Вихрящийся снег быстро заметал следы, что он оставлял на тропинке, пробираясь меж зелеными ограждениями. Музей Хорнимана и его сады занимали площадь в семнадцать акров, и хозяйственные постройки для садового инвентаря и обслуживающего персонала находились в самой глубине, у высокой стены с криволинейным верхом. Куда ни кинь взгляд, всюду слепящая белизна. Ли заблудился и сообразил, где он находится, только тогда, когда перед ним выросла оранжерея:

он зашел гораздо дальше, чем планировал. При виде вычурного здания из металла и стекла Ли опешил от неожиданности. Повернул назад, но через несколько минут снова оказался в незнакомом месте – на развилке троп.

Сколько раз я бродил здесь по парку, будь он проклят! – ругался про себя Ли. Он пошел по аллее, что уходила вправо и вела в утопленный сад[2 - Утопленный сад – зона в саду или в парке, которая располагается ниже уровня садового горизонта, то есть «утоплена» по сравнению с окружающим ландшафтом. По внешнему периметру утопленный сад обрамляют живой изгородью, внутри оформляют пышными цветниками, максимально подчеркивая линии перепада высот.]. На заснеженных кирпичных постаментах застыли мраморные херувимы. Между ними с завыванием носился ветер. Шагая мимо ангелочков, Ли не мог избавиться от ощущения, что они не сводят с него своих пустых белесых глаз. Он остановился и, рукой прикрыв лицо от безжалостного снега, попытался сообразить, как быстрее выйти к зданию музея. Садовым работникам заходить в музей не разрешалось, но ведь на улице собачий холод, а кафе наверняка уже открыто. Плевать на запреты. Он зайдет и погреется, как любой нормальный человек.

В кармане зажужжал мобильник. Ли достал телефон. Центр занятости уведомлял, что сегодня «из-за плохих погодных условий» ему позволено «не выходить на работу». Ли снова убрал мобильник в карман. Казалось, лица всех херувимов обращены в его сторону. Они и раньше смотрели на него? Ли представил, как ангелочки медленно поворачивают свои отливающие перламутром маленькие головки, наблюдая, как он идет по саду. Отмахнувшись от этой мысли, глядя под ноги на заснеженную землю, Ли быстрее зашагал мимо пустых глаз и вскоре вышел на тихую поляну, окружавшую заброшенное озеро, где в другое время катались на лодках.

Он остановился и прищурился, глядя сквозь пелену кружащихся хлопьев. Скованное морозом озеро укрывал снег, и на самой середине его кипенно-белого овала стояла поблекшая синяя лодка. На противоположной стороне озера находился крошечный ветхий эллинг. Ли едва-едва различил под его навесом чехол какого-то старого гребного судна.

Снег просачивался в его уже намокшие спортивные штаны, холод проникал под куртку, опоясывая торс. Со стыдом он осознал, что ему страшно. Нужно убираться отсюда, решил Ли. Если вернуться к утопленному саду и пойти по его периметру, он наверняка найдет аллею, которая выведет его на Лондон-роуд.

Заправочная станция открыта, он купит там сигареты и шоколад.

Ли уже собрался было повернуть назад, но тут в тишину вторгся какой-то звук. Писклявый и искаженный, он доносился откуда-то со стороны эллинга.

– Эй! Кто там? – закричал Ли паническим пронзительным голосом. И только когда звук стих, а через несколько секунд возобновился, он сообразил, что это звонит мобильный телефон, возможно, кого-то из его коллег.

Из-за того, что земля была укрыта снегом, Ли затруднялся определить, где кончается тропинка и начинается вода, поэтому, держась деревьев, высившихся по краю поляны, что окружала озеро, он, ступая осторожно, направился вдоль водоема туда, откуда раздавался трезвон, похожий на некое воздушное треньканье, которое исходило, как он понял, когда подошел ближе, из эллинга.

Ухватившись рукой за низкую крышу, Ли нырнул в проем и увидел, как за маленькой лодкой что-то светится, рассеивая мглу. Трезвон прекратился, а следом погас и свет. Ли обрадовался, что это всего лишь телефон. Наркоманы и бродяги по ночам постоянно перелезали через стену в сад, и садовники на территории музея часто находили пустые бумажники, выброшенные после того, как из них вытащили все кредитные карты и наличность, использованные презервативы и шприцы. Телефон, должно быть, тоже выбросили… Однако зачем выбрасывать телефон… если только это не раздолбанная дешевка?

Ли стал обходить эллинг. На улице из снега торчали сваи крошечного причала, вдававшегося под низкую крышу лодочного гаража. Он обратил внимание, что деревянный настил, там, где он не был засыпан снегом, прогнил. Пригибаясь под низкой крышей, Ли пошел вдоль причала. Деревянный потолок над его головой, с которого клочьями свисала паутина, тоже прогнил и расщепился. Добравшись до лодки, Ли увидел айфон, лежавший на маленькой деревянной приступке у противоположной стены эллинга.

В груди поднялось радостное волнение. Он запросто продаст айфон в пабе. Ли толкнул лодку ногой, но та даже не покачнулась: вмерзла в лед. Он обошел лодку с носа, остановился на противоположном краю причала, опустился на корточки и, всем туловищем наклонившись вперед, рукавом куртки расчистил снег, обнажив толстый слой льда. Вода под ледяной коркой была прозрачная, и в глубине он различил лениво плывущих двух рыбок в красно-черную крапинку.

Крошечные пузырьки, поднимавшиеся от их ртов, достигали нижней части ледяного слоя и рассеивались в разных направлениях.

Снова зазвонил телефон. Ли вздрогнул от неожиданности, едва не соскользнув с причала. Противное треньканье эхом рикошетило по эллингу. Ли теперь ясно видел у противоположной стены светящийся айфон. В чехле, украшенном сверкающими каменьями, телефон лежал на боку на деревянном выступе сразу же над замерзшей водой. Ли подошел к лодке и занес в суденышко одну ногу, поставив ее на деревянное сиденье. Затем перенес на эту ногу всю тяжесть своего тела, не отрывая второй ноги от причала. Лодка не покачнулась.

Он залез в лодку обеими ногами, но дотянуться до телефона все равно не смог. Подстегиваемый мыслью о толстой пачке купюр, которые скоро окажутся в кармане его тренировочных штанов, Ли осторожно поставил одну ногу на лед по другую сторону лодки. Надавил на него, рискуя промочить обувь. Лед не проломился. Он выбрался из лодки и встал на лед обеими ногами, прислушиваясь, не раздастся ли характерный треск. Ни звука. Он сделал маленький шажок, потом еще один. Казалось, он идет по бетонному полу.

Свес деревянной крыши клонился вниз. Чтобы дотянуться до айфона, необходимо опуститься на корточки.

Светящийся экран телефона озарял пространство вокруг, и, присев, в его сиянии Ли заметил торчавшие изо льда две старые пластиковые бутылки, всякий разный мусор и… – он замер —…нечто похожее на кончик пальца.

С гулко бьющимся сердцем Ли дотянулся до пальца и осторожно его сжал. Палец был холодный и на ощупь резиновый. Ноготь, покрытый фиолетовым лаком, заиндевел. Рукавом куртки, который он натянул на ладонь, Ли протер лед вокруг пальца. В сиянии айфона ледяная корка имела мутно-зеленый цвет, и под ней он разглядел ладонь, продолжением которой и был торчавший изо льда палец. Сама рука, должно быть, пряталась где-то в глубине.

Телефон перестал звонить, и воцарилась оглушительная тишина. А потом он увидел… Прямо под тем местом, на котором он сидел на корточках, находилось лицо девушки, безучастно смотревшей на него вспухшими белесо-карими глазами. Прядь ее спутанных темных волос вмерзла в лед. Рыба, лениво проплывавшая мимо, хвостом скользнула по губам девушки, которые были

приоткрыты, словно она собиралась заговорить.

Ли с криком отпрянул, вскочил на ноги, врезавшись головой в низкий потолок эллинга. От удара его швырнуло вниз, он поскользнулся и растянулся на льду.

С минуту он лежал ошеломленный. Потом услышал тихий скрипучий треск. В панике Ли стал карабкаться и брыкаться, пытаясь встать и убежать куда подальше от мертвой девушки, но ноги предательски скользили по льду. И он провалился сквозь лед в студеную воду. Почувствовал, как безвольные руки девушки переплелись с его руками, ощутив прикосновение ее холодного тела. Чем больше он барахтался, тем крепче его конечности переплетались с руками и ногами девушки. Тело сковывал парализующий умопомрачительный холод. Глотая грязную воду, Ли изо всех сил старался выбраться на сушу. Каким-то чудом ему удалось уцепиться за край лодки. Пыхтя и икая, он жалел, что не сумел достать тот телефон, но не потому, что лишился возможности его продать.

Сейчас Ли хотел только одного – позвать на помощь.

Глава 2

Эрика Фостер уже полчаса ждала в неопрятном помещении дежурной части отделения полиции Луишем-Роу. Сидя на зеленом пластиковом стуле, одном из тех, что стояли в ряд, привинченные к полу, она неловко поменяла положение. Вытершиеся сиденья, за многие годы отполированные задницами дрожащих от страха нарушителей закона, отливали блеском. В выходящее на парковку большое окно, за которым мела метель, Эрика едва различала очертания кольцевой дороги, высокого серого офисного здания и вытянутого торгового центра. От главного входа к стойке, за которой перед компьютером сидел дежурный по отделению, пялившийся в монитор мутным взглядом, вела цепочка мокрых следов. У сержанта было крупное лицо с отвисшим подбородком. С рассеянным видом он ковырялся в зубах, время от времени вытаскивая изо рта палец, чтобы рассмотреть очередную находку, которую он затем снова клал в рот.

– Шеф скоро подойдет, – сказал дежурный.

Его взгляд заскользил по стройной фигуре Эрики, одетой в потертые синие джинсы, шерстяной джемпер и фиолетовую дутую короткую куртку с резинками на поясе и рукавах, и остановился на небольшом чемодане на колесах, что стоял у ее ног. Эрика сердито посмотрела на него, и они оба отвели глаза. Стена, у которой она сидела, была увешана плакатами с информацией для населения. «НЕ БУДЬ ЖЕРТВОЙ ПРЕСТУПЛЕНИЯ!» – призывал один из них. Эрика подумала, что глупо вывешивать подобные плакаты в помещении дежурной части полицейского участка на окраине Лондона.

Дверь за стойкой дежурного открылась, и в приемную вышел старший суперинтендант Марш. Со времени их последней встречи прошло немало лет, и за это время его коротко остриженные волосы поседели, но лицо, хоть и изможденное, не утратило привлекательности. Эрика встала, пожала ему руку.

– Старший инспектор Фостер. Простите, что заставил вас ждать. Хорошо долетели? – осведомился Марш, обратив внимание на ее наряд.

– Рейс задержали, сэр… Потому и в гражданке, – ответила она оправдывающимся тоном.

– Этот чертов снег сейчас совсем некстати, – заметил Марш. – Сержант Вулф, – обратился он затем к дежурному, – представляю вам старшего инспектора Фостер. Она приехала к нам из Манчестера. Найдите для нее машину, и как можно скорее…

– Есть, сэр, – кивнул Вулф.

– И еще мне понадобится телефон, – добавила Эрика. – Желательно что-нибудь не очень современное, если найдете. С нормальными кнопками. Терпеть не могу сенсорные экраны.

– Что ж, тогда за дело, – сказал Марш. – Он провел своим пропуском по специальному устройству на двери. Та издала сигнал и открылась.

– Спесивая корова, – буркнул себе под нос Вулф, когда дверь за ними затворилась.

??*

Эрика следовала за Маршем по длинному коридору с низким потолком. Звонили телефоны. Навстречу им шли непрерывным потоком полицейские в форме и сотрудники вспомогательных служб, все с по-январски бледными лицами, в которых застыли напряженность и озабоченность. Они миновали висевшую на стене доску с результатами матчей футбольной фэнтези-лиги[3 - Фэнтези-футбол – игра, в которой участники формируют виртуальную команду футболистов, чьи прототипы принимают участие в реальных соревнованиях и в зависимости от актуальной статистики своих выступлений набирают зачетные баллы. Как правило, эти футболисты должны играть в одном дивизионе определенной страны, но существует и много других вариантов. Впервые концепция фэнтези-футбола была представлена широкой публике в 1991 г. британской компанией Fantasy League Ltd. Национальную известность игра приобрела в ходе первого сезона (1992/1993) английской премьер-лиги. В наши дни благодаря широкому доступу в Интернет фэнтези-футбол превратился из незамысловатого развлечения в серьезный бизнес.], а через несколько секунд – еще одну, с фотографиями под заголовком: ПОГИБЛИ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНОГО ДОЛГА. Эрика зажмурилась и открыла глаза только тогда, когда была уверена, что доска осталась позади. Она едва не налетела на Марша, который внезапно остановился у двери с табличкой «ОПЕРАТИВНЫЙ ОТДЕЛ». Через полуоткрытые жалюзи на стеклянной перегородке Эрика увидела, что в комнате полно народу. К горлу подступил страх. Под теплой курткой с нее градом лил пот. Марш взялся за дверную ручку.

– Сэр, вы собирались ввести меня в курс дела перед… – начала Эрика.

– Нет времени, – перебил он ее и, не давая ей возможности ответить, открыл дверь, пропуская Эрику вперед.

Оперативный отдел представлял собой большое открытое помещение. При их появлении два десятка сотрудников полиции, находившиеся в нем, мгновенно затихли, выжидательно глядя на вошедших. Их лица озарял яркий свет люминесцентных ламп. Помещение с двух сторон от коридоров отделяли стеклянные стены, и у одной стояли в ряд принтеры и копировальные аппараты, перед которыми на истончавшем ковровом покрытии были протоптаны дорожки следов. Такие же дорожки вели от столов к демонстрационным доскам у задней стены. Марш прошел вперед, а Эрика быстро поставила чемодан у одного из аппаратов, множившего какие-то документы, и присела на стол.

– Приветствую всех, – поздоровался Марш. – Как нам известно, четыре дня назад поступило заявление об исчезновении двадцатитрехлетней Андреа Дуглас-Браун. И сразу же в СМИ поднялась бешеная шумиха, которая не стихает до сих пор. А сегодня утром, в самом начале десятого, на территории музея Хорнимана в Форест-Хилл было обнаружено тело девушки, по описанию похожей на Андреа. Предварительно ее личность была установлена по номеру телефона, зарегистрированному на Андреа, но это еще необходимо подтвердить официально. Криминалисты уже работают, только вот снег, будь он проклят, стопорит работу… – Речь Марша прервал телефонный звонок. Он умолк. Телефон продолжал звонить. – Что сидите? Здесь оперативный отдел. Ответьте же кто-нибудь!

Один из полицейских, находившийся в конце комнаты, снял трубку и стал что-то тихо в нее говорить.

– Если личность жертвы установлена верно, значит, мы имеем дело с убийством девушки, принадлежащей к одной из очень могущественных и влиятельных семей, и от нас ждут скорейших результатов. Пресса и прочие, кого ни назови. Если что не так, много голов полетит.

На соседнем столе перед Эрикой лежали утренние газеты с кричащими заголовками: ИСЧЕЗЛА ДОЧЬ ЧЛЕНА ПАЛАТЫ ЛОРДОВ ОТ ЛЕЙБОРИСТСКОЙ ПАРТИИ; ЭНДИ ПОХИЩЕНА ТЕРРОРИСТАМИ? Под третьим, самым ярким, – ЗАЛОЖНИЦА? – была помещена на всю страницу фотография Андреа.

– А теперь позвольте представить вам старшего инспектора Фостер. Ее откомандировали к нам из полиции Манчестера, – закончил свою речь Марш. Эрика почувствовала на себе взгляды всех присутствующих в комнате.

– Доброе утро. Я рада, что… – начала она, но ее перебил офицер с сальными черными волосами.

– Шеф, я вел дело об исчезновении Дуглас-Браун, и…

– И что, старший инспектор Спаркс? – спросил Марш.

– И… моя команда работает как часы. Я отрабатываю несколько версий. Держу связь с семьей…

– У старшего инспектора Фостер большой опыт в расследовании убийств деликатного характера…

– Но…

– Спаркс, это не обсуждается. С этой минуты расследованием руководит старший инспектор Фостер. Она немедленно приступит к делу, но вы, я знаю, будете оказывать ей всяческую поддержку, – сказал Марш.

Воцарилось неловкое молчание. Спаркс опустился на свое место, неприязненно глядя на Эрику. Она выдержала его взгляд.

– И не болтайте лишнего. Это ко всем относится. Я говорю серьезно. Никаких контактов с журналистами, никаких сплетен. Ясно? – Офицеры тихо загудели, выражая согласие.

– Старший инспектор Фостер, жду вас у себя в кабинете.

??*

Эрика стояла в кабинете Марша на верхнем этаже отделения полиции. Сам он рылся в бумагах на своем столе. Она смотрела в окно, из которого открывалась более зрелищная панорама Луишема. За торговым центром и железнодорожной станцией до самого Блэкхита тянулись неровные ряды домиков из красного кирпича. Обстановка в кабинете Марша отличалась от той, какую ожидаешь увидеть в кабинете старшего суперинтенданта. Ни тебе коллекционных машинок на подоконнике, ни семейных фотографий на полках. Рабочий стол завален бумагами, на полках у окна – то, что не уместилось на столе: пухлые папки, невскрытая корреспонденция, старые рождественские открытки, скрученные клейкие листочки, исписанные мелким неразборчивым почерком Марша. В одном углу на стуле – парадная форма с фуражкой; на мятых брюках заряжается его «Блэкберри» с мигающим красным огоньком. Комната подростка и высокого начальника в одном флаконе.

Марш наконец нашел маленький толстый конверт и вручил его Эрике. Она вскрыла конверт и извлекла из него футляр с полицейским значком и служебным удостоверением на свое имя.

– Надо же, какой карьерный взлет, – усмехнулась она, вертя в руке значок.

– Дело не в вас, старший инспектор Фостер. Вы должны радоваться, – заметил Марш. Он обошел свой стол и грузно опустился в кресло.

– Сэр, мне было заявлено вполне определенно, что по возвращении на службу я как минимум полгода буду заниматься бумажной работой.

Марш жестом предложил ей занять кресло напротив.

– Фостер, когда я позвонил вам, мы расследовали дело об исчезновении человека. Теперь мы знаем, что это убийство. Мне напомнить вам, кто ее отец?

– Лорд Дуглас-Браун. Кажется, он был одним из главных государственных подрядчиков, выполнявших заказы правительства для ведения войны в Ираке, одновременно оставаясь членом кабинета…

– Политика здесь ни при чем.

– Да я не о политике, сэр.

– Андреа Дуглас-Браун пропала без вести на вверенной мне территории. Лорд Дуглас-Браун очень сильно давит на нас. Он пользуется огромным влиянием, способен любого возвысить или погубить его карьеру. Сегодня я встречаюсь с помощником комиссара и с кем-то из правительства, будь оно неладно…

– То есть вы за карьеру свою переживаете?

Марш посмотрел на нее.

– Мне нужно, чтобы установили личности погибшей и подозреваемого. И как можно скорее.

– Есть, сэр. – Эрика помедлила в нерешительности. – Позвольте спросить, почему именно я? Или вы планируете бросить меня на амбразуру в качестве козла отпущения? А потом в игру вступит Спаркс, доведет дело до победного конца и станет героем? Я вправе это знать, если…

– Мать Андреа из Словакии. Как и вы… Я подумал, будет лучше, если расследование возглавит человек, с которым у ее матери есть нечто общее…

– То есть меня привлекли для налаживания связей с населением?

– Если угодно, можно и так сказать. Я также знаю, что вы – превосходный полицейский. Да, в последнее время вас преследуют неприятности, но ваши достижения затмевают…

– Давайте обойдемся без этой фигни, сэр, – отрубила Эрика.

– Фостер, вы не умеете выстраивать служебные отношения в своих интересах. А если бы умели, возможно, сейчас вы сидели бы на моем месте, а я – на вашем.

– Да. У меня свои принципы. – Эрика пристально посмотрела на него. Оба на время умолкли.

– Эрика… Я вызвал вас сюда, так как считаю, что вам нужно дать еще один шанс. Не надо отказываться от задания, даже не приступив к работе.

– Слушаюсь, сэр.

– Вот и славно. А теперь езжайте-ка на место происшествия. Как только появится какая-то информация, сразу мне докладывайте. Если это все же Андреа Дуглас-Браун, нужно будет провести официальное опознание с привлечением родственников.

Эрика встала и направилась к выходу.

– Мне так и не предоставилась возможность, – продолжал Марш более мягким тоном, – на похоронах выразить свои соболезнования. Мне очень жаль, что так случилось с Марком… Он был отличный полицейский и хороший друг.

– Спасибо, сэр. – Эрика уткнулась взглядом в ковер. Ей до сих пор было больно слышать его имя. Усилием воли она сдержала слезы.

Марш прокашлялся, придал своему голосу прежний официальный тон.

– Уверен, я могу рассчитывать на то, что вы быстро найдете преступника и посадите его. Докладывайте о каждом шаге расследования.

– Есть, сэр.

– И еще… старший инспектор Фостер!

– Да, сэр?

– Переоденьтесь.

Глава 3

Эрика нашла женскую раздевалку и быстро переоделась в позабытый, но привычный наряд – черные брюки, белую блузку, темный свитер и длинную кожаную куртку.

Убирая в шкафчик гражданскую одежду, она заметила на краю одной из длинных деревянных скамеек измятый номер «Дейли мейл». Эрика пододвинула газету к себе, разгладила ее. Под жирным заголовком «ИСЧЕЗЛА ДОЧЬ ЧЛЕНА ПАЛАТЫ ЛОРДОВ ОТ ЛЕЙБОРИСТСКОЙ ПАРТИИ» была помещена фотография Андреа Дуглас-Браун, с которой на Эрику смотрела красивая ухоженная девушка с длинными каштановыми волосами, полными губами и сияющими карими глазами. Загорелая, в открытом коротеньком топе. Плечи отведены назад, подчеркивая пышность ее груди. Она пристально смотрела в объектив уверенным взглядом. Снимок был сделан на яхте, на фоне сочной синевы неба и моря, искрящегося на солнце. С обеих сторон Андреа кто-то обнимал, но виднелись только широкие мужские плечи, повыше и пониже их обладателей, кто бы они ни были, обрезали.

«Дейли мейл» характеризовала Андреа как «светскую львицу», что Андреа, прочитай она это, вряд ли бы понравилось, подумала Эрика, но, по крайней мере, газета не называла ее фамильярно «Энди», как другие таблоиды. В статье пересказывались интервью, взятые у лорда и леди Дуглас-Браун и у жениха Андреа. Все они умоляли ее связаться с ними.

Эрика проверила карманы кожаной куртки и в одном обнаружила свой блокнот, который до сих пор, по прошествии многих месяцев, все еще лежал там. Она записала имя жениха – Джайлз Осборн и ниже начеркала: «Может, Андреа сбежала?». С минуту смотрела на запись, а потом стала яростно ее зачеркивать, так что порвала бумагу. Эрика сунула блокнот в задний карман брюк и собралась уже положить в свободный карман свое удостоверение, но потом помедлила, несколько мгновений держа его в руке: знакомая тяжесть, кожаная обложка потерлась на сгибе за долгие годы, что она носила его в заднем кармане брюк.

Эрика подошла к зеркалу над раковинами, открыла удостоверение и вытянула его на руке перед собой. На вклеенной фотографии была запечатлена уверенная женщина с зачесанными назад белокурыми волосами, которая с вызовом смотрела в объектив. А женщина в зеркале, с удостоверением в руке, была сухопарой и бледной. Ее короткие светлые волосы, с сединой у корней, были всклокочены. С минуту Эрика смотрела на свою дрожащую руку, затем закрыла удостоверение.

Ей необходимо сделать новое фото на документ.

Глава 4

Когда Эрика вышла из раздевалки, дежурный по отделению Вулф ждал ее в коридоре. Он зашагал вперевалку рядом с ней, отметив про себя, что она на голову выше него.

– Вот ваш телефон. Заряжен, можно пользоваться, – сказал сержант, отдавая ей прозрачный пластиковый пакет с телефоном и зарядным устройством. – Машина для вас будет готова после обеда.

– А с кнопками ничего не нашлось? – вспылила Эрика, увидев, что в пакете лежит смартфон.

– Одна кнопка есть: «включить/выключить», – огрызнулся дежурный.

– Когда подъедет мой автомобиль, будьте добры, положите это в багажник, – распорядилась Эрика, показывая на свой чемодан. Она обошла Вулфа и открыла дверь оперативного отдела. При ее появлении разговор моментально стих. К ней приблизилась полноватая женщина маленького росточка.

– Я – инспектор Мосс. Мы как раз пытаемся оборудовать для вас кабинет. – Волосы у женщины были рыжие и жесткие, как проволока, а лицо так густо усеяно веснушками, что казалось, оно покрыто пятнами. – Вся информация, – продолжала Мосс, – поступает на информационные табло. По мере поступления я буду распечатывать сводки и класть на стол в вашем кабинете, когда…

– Мне хватит рабочего стола, – перебила ее Эрика. Она подошла к электронным доскам, где была выведена большая карта территории музея имени Хорнимана и ниже фото Андреа с камеры видеонаблюдения.

– Ее последнее известное нам фото, сделанное камерой наблюдения на станции Лондон-бридж, когда она в 8.47 садилась в поезд, который шел в Форест-Хилл, – объяснила Мосс, следуя за Эрикой. Камера зафиксировала, как Андреа ступает в вагон стройной ногой. Лицо ее сердито. Одета она была по последней моде: облегающая кожаная куртка, короткое черное платье, розовые туфли на шпильке. В руке – клатч под цвет туфель.

– Она была одна, когда садилась в поезд? – уточнила Эрика.

– Да. У меня есть видео с той самой камеры наблюдения, с которой мы сделали снимок, – ответила Мосс, хватая ноутбук и возвращаясь с ним к Эрике. Она поставила компьютер на стопку папок и расширила видеоокно на весь экран. Они просмотрели запись в режиме замедленной съемки: вид платформы сбоку; Андреа входит в зону видимости камеры и затем в поезд. Запись длилась всего несколько секунд, и Мосс включила режим многократного повтора.

– Злится на что-то, – заметила Эрика.

– Да, – согласилась Мосс. – Как будто намерена кого-то отчитать.

– Где был ее жених?

– У него железное алиби. Он был на каком-то мероприятии в центральном Лондоне.

Еще несколько раз они просмотрели, как Андреа идет по платформе и садится в поезд. На видео, кроме нее, других людей не было; вся остальная платформа оставалась пуста.

– А это наш «хозяин лавки», сержант Крейн. – Мосс показала на парня с коротко остриженными светлыми волосами, который одновременно висел на телефоне, рылся в папках и запихивал в рот шоколадный батончик «Марс». Он стал давиться, пытаясь побыстрее проглотить то, что уже успел сунуть в рот. Краем глаза Эрика увидела, что Спаркс положил трубку телефона, надел пальто и направился к выходу.

– Вы куда? – осведомилась она. Спаркс остановился, повернулся к ней.

– На место происшествия. Криминалисты только что дали нам добро. Нам нужно как можно скорее установить личность жертвы, если вы еще не забыли, мэм.

– Я хочу, чтобы вы остались здесь, Спаркс. Инспектор Мосс, сегодня со мной поедете вы. И вы. Как вас зовут? – спросила она высокого симпатичного чернокожего полицейского, который разговаривал по телефону за ближайшим столом.

– Инспектор Питерсон, – ответил тот, ладонью прикрыв трубку.

– Так вот, инспектор Питерсон, вы тоже едете со мной.

– А мне что прикажете делать – сидеть здесь и бить баклуши? – с претензией в голосе спросил Спаркс.

– Нет. Мне нужен доступ ко всем камерам видеонаблюдения на территории музея Хорнимана и окрестных улиц…

– У нас это есть, – перебил ее Спаркс.

– Нет, я хочу, чтобы вы расширили зону поисков. Просмотрите записи со всех видеокамер в диапазоне сорока восьми часов до исчезновения Андреа и после. Опросите жителей всех домов и работников всех заведений вокруг музея. Также узнайте все, что можно, об Андреа. Родственники, друзья; информация по банковским счетам, медицинским картам; распечатки телефонных звонков, электронной почты; светская хроника. Кому она нравилась? Кто ее ненавидел? Я хочу знать все. У нее был компьютер, ноутбук? Наверняка. Достаньте его.

– Мне сказали, что ноутбук нам не отдадут. Лорд Дуглас-Браун дал ясно понять… – начал Спаркс.

– А я говорю достаньте. – В комнате наступила тишина. – И чтобы никто – слышите, никто – не смел общаться с прессой и вообще говорить что-либо об этом деле, даже «Без комментариев». Это ясно? Всем языки держать за зубами… Старший инспектор Спаркс, вам этого задания достаточно?

– Да, – буркнул тот, зло глядя на Эрику.

– Крейн, вы остаетесь на хозяйстве, обеспечиваете четкую работу оперативного отдела.

– Уже обеспечиваю, – сказал сержант, дожевывая батончик.

– Вот и хорошо. Встречаемся здесь же в четыре.

Эрика покинула кабинет. Мосс и Питерсон вышли следом. Спаркс снял пальто.

– Стерва, – пробормотал он себе под нос, снова усаживаясь за компьютер.

Глава 5

Мосс вела машину, не сводя глаз с заснеженной дороги. Эрика сидела рядом в пассажирском кресле, Питерсон – сзади. Напряженную тишину то и дело нарушали визг и скрежет расчищающих ветровое стекло дворников, которые, словно были забиты кокосовой стружкой.

На юге Лондона господствовала грязно-серая палитра. Мимо проплывали ряды обшарпанных стандартных домиков ленточной застройки с мощеными палисадниками, служащими парковками. Серость расцвечивали только тут и там стоявшие кучками черно-зелено-синие мусорные контейнеры на колесах.

Дорога круто повернула влево, и они встали в хвосте вереницы машин, вытянувшихся вдоль первого изгиба Кэтфордской кольцевой развязки с односторонним движением. Мосс включила сирену, и машины принялись заезжать на тротуар, открывая для них путь. Печка в полицейском автомобиле не работала – вполне оправдывающее обстоятельство для Эрики, державшей трясущиеся руки глубоко в карманах своей длинной кожаной куртки. Она надеялась, что руки у нее дрожат от голода, а не от волнения, что она вдруг не справится с возложенной на нее задачей. Из щели над радио торчала пачка красных лакричных жгутиков.

– Можно? – нарушила неловкое молчание Эрика.

– Да, угощайтесь, – разрешила Мосс. Она надавила на газ, и они помчались по освобожденному для них коридору; задние колеса автомобиля заносило в бок на обледенелой дороге. Эрика взяла из пакета один жгутик, сунула его в рот и стала жевать, глядя на Питерсона в зеркало заднего обзора. Тот склонился над айподом. Высокий, худощавый, с овальным мальчишеским лицом, он напоминал ей игрушечного деревянного солдатика. Питерсон поднял голову и перехватил ее взгляд.

– Итак, что вы можете рассказать мне об Андреа Дуглас-Браун? – спросила Эрика, проглатывая конфету и беря другую.

– А начальство вас разве не просветило, босс? – вопросом на вопрос ответил Питерсон.

– Просветило. Но исходите из того, что не просветило. Я каждый случай начинаю рассматривать с позиции полного отсутствия информации. Вы не поверите,

сколько новых нюансов это помогает выявить.

– Ей двадцать три года, – начал Питерсон.

– Она работала?

– Трудового стажа не имела…

– Почему?

– А зачем ей работать? – пожал плечами Питерсон. – Лорд Дуглас-Браун – владелец «СэмТек», частной военно-промышленной компании. Они разрабатывали системы GPS и компьютерные программы для правительства. По последним сведениям, его капитал составляет тридцать миллионов.

– Братья и сестры есть? – спросила Эрика.

– Есть. Младший брат Дэвид и старшая сестра Линда.

– То есть Андреа и ее брат с сестрой живут на деньги трастового фонда? – уточнила Эрика.

– И да, и нет. Сестра, Линда, работает у матери. Леди Дуглас-Браун принадлежит элитный цветочный салон. Дэвид учится в магистратуре университета.

Они ехали по Кэтфорд-Хай-стрит, где дорога была посыпана песком и потому транспорт двигался нормально. Мимо мелькали магазины дешевых товаров по цене одного фунта, лавки ростовщиков, выдающих «кредиты до зарплаты», и частные супермаркеты, выставившие на улицу прилавки, на которых громоздились экзотические овощи и фрукты, едва не скатывавшиеся в грязь на тротуары.

– Что известно о женихе Андреа, Джайлзе Осборне?

– Летом у них намечается… намечалась грандиозная свадьба, – ответила Мосс.

– Чем он занимается? – спросила Эрика.

– У него компания по организации мероприятий высшего пошиба: Хенлейская регата, презентации новых изделий, VIP-свадьбы.

– Андреа жила у него?

– Нет. С родителями в Чизике.

– Это на западе Лондона, да? – уточнила Эрика. Питерсон кивнул ей в зеркало заднего обзора.

– Видели бы вы их дворец! – продолжала Мосс. – Они объединили четыре дома, вырыли подземный этаж. Наверно, не один миллион угрохали.

Они миновали магазин «Топпс тайлс», по всей видимости, закрытый, так как его большая парковка была пуста и запорошена свежим слоем снега; потом – ресторан «Харвестер», возле которого мужчина в наушниках рубильным станком мельчил на щепки большую рождественскую елку. Вибрацию от тарахтения его двигателя они ощутили в своем салоне, но вскоре дрожь улеглась, и в поле их зрения выплыли захудалые пабы. Перед одним, под названием «Олень», стояла, прислонившись к облезлой зеленой двери, и курила пожилая женщина с осунувшимся лицом. Рядом с ней валялся мешок с мусором, в котором рылась какая-то собака. Заснеженный тротуар был усеян объедками.

– Интересно, что Андреа Дуглас-Браун делала здесь, да еще одна? – задалась вопросом Эрика. – Не совсем подходящее место для дочери миллионера из Чизика, вы не находите?

На несколько мгновений их автомобиль накрыл снежный шквал, а когда белая пелена рассеялась, они увидели музей имени Хорнимана. С обеих сторон его здание из песчаника обрамляли юкки и пальмы. Заснеженные, они представляли собой диковинное зрелище.

У железных ворот Мосс сбавила ход и затормозила рядом с молодым полицейским в форме. Эрика опустила боковое стекло. Полицейский наклонился, положив на дверцу руку в кожаной перчатке. В окно полетели снежинки,

оседавшие на обивке сидений. Эрика показала свое удостоверение.

– Следующий поворот налево. Подъем крутой. Мы отправили наверх пескоразбрасыватель, но все равно езжайте помедленней, – посоветовал полицейский. Эрика кивнула и подняла стекло. Мосс повернула налево, и они поехали по дороге, круто поднимавшейся вверх. По приближении к вершине они увидели блокпост, возле которого нес караул еще один полицейский в форме. Слева на тротуаре толпились одетые по-зимнему журналисты. Прибывший полицейский автомобиль вызвал у них интерес, на ветровом стекле засверкали вспышки фотоаппаратов.

– Отвалите, – рявкнула Мосс, пытаясь переключиться на третью скорость. В коробке передач раздался треск, машина рванула вперед и заглохла. – Черт! – вскричала Мосс, стискивая руль. Она нажала на тормоза, но машина продолжала сползать. В зеркало заднего обзора Эрика увидела, как дорога за ними резко уходит вниз. Фоторепортеры, реагируя на драматичную ситуацию, снова защелкали фотоаппаратами.

– Резко влево давай! – крикнул Питерсон. Он быстро опустил стекло на своем окне и, выворачивая шею, посмотрел назад. Эрика вцепилась в приборную панель. Мосс всем телом налегла на руль, сумев остановить скольжение и направить машину на недавно освободившееся парковочное место у обочины, которое не было занесено снегом. Колеса коснулись голого асфальта, и они резко остановились.

– Повезло, – заметил Питерсон, сдержанно усмехнувшись. Снег залетал в открытое окно и ложился на его короткие дреды.

– Чертов лед, – буркнула Мосс, делая глубокий вдох.

Эрика отстегнула ремень безопасности, стыдясь того, что у нее дрожат ноги. Они все выбрались из машины. Фоторепортеры, язвительно посмеиваясь, стали засыпать их вопросами о личности жертвы. Снег летел параллельно земле. Они показали свои удостоверения, и их пропустили за оградительную ленту. Подлезая под нее, Эрика испытывала радостное волнение: она снова в деле, ее пустили за полицейское ограждение, в руке – служебное удостоверение. Еще один полицейский в форме направил их к железным воротам, которые вели на территорию музея.

Эллинг теперь накрывала огромная белая палатка, которая у основания сливалась со снежными сугробами. Один из помощников криминалистов приготовил для группы следователей спецодежду. Эрика, Мосс и Питерсон надели комбинезоны, перед тем как войти в палатку.

Свет ламп, отражаясь от снега, озарял гниющее дерево низкой крыши. Они заглянули под нее. Три криминалиста под началом руководителя группы прочесывали каждый дюйм эллинга. На маленьком деревянном причале поблескивала лодка. Из ледяной воды вынырнул, подняв рой брызг, полицейский-водолаз в черном гладком костюме, принесший с собой теплый желчный запах затхлого пруда. Вокруг него, там, где жаркие лучи прожекторов растопили лед, чернела вода, в которой плавал мусор.

– Старший инспектор Фостер, – окликнул Эрику густой мужской голос. В кои-то веки ей пришлось задрать голову, чтобы увидеть рослого мужчину, появившегося из-за эллинга. Он снял маску, обнажив горделивое красивое лицо с большими темными глазами. Его брови были тщательно выщипаны в две безукоризненно прямые линии. – Айзек Стронг, судмедэксперт, – представился мужчина. – Мосс и Питерсона я знаю, – добавил он. Те оба кивнули. Вслед за Айзеком Стронгом они обогнули эллинг вдоль его внешней стены. За палаткой на земле лежали металлические носилки, а на них – мертвая девушка, фактически голая. Ее наготу прикрывали лишь клочья изодранного платья, собравшегося вокруг талии, и черные мини-трусики, тоже порванные. Полные губы чуть приоткрыты, один передний зуб сломан почти до самой десны. В широко распахнутых глазах застыл мутный безжизненный взгляд; в длинных волосах застряли листья и прочий мусор.

– Это она, да? – тихо спросила Эрика. Мосс и Питерсон кивнули.

– Итак, – произнес Айзек, нарушив молчание. – Ее тело было найдено вмерзшим в лед. На основании первичного осмотра выводы делать рано, но я допускаю – повторяю: допускаю, – что она находилась в воде не менее семидесяти двух часов. Минусовая температура установилась три дня назад. Когда ее нашли, ее телефон еще работал; парень, что работает здесь, услышал, как он звонит. – Стронг передал Эрике прозрачный полиэтиленовый пакет с айфоном. Его чехол украшали кристаллы Swarovski.

– Нам известно, кто звонил? – спросила Эрика в надежде, что сходу появилась зацепка.

– Нет. Батарейка разрядилась вскоре после того, как телефон достали из воды. С него, конечно, попытались снять отпечатки, но я бы на это не рассчитывал.

– Где парень, который ее обнаружил?

– В «скорой» у музея. С ним врачи. Он был невменяем, когда полиция прибыла на место происшествия. Он провалился под лед и прямо на труп; от полученного шока его стошнило, у него произошли непроизвольное мочеиспускание и дефекация, так что мы теперь пытаемся побыстрее выделить его ДНК, – объяснил Айзек. Он подошел к телу на носилках.

– Отечность лица и странгуляционные борозды на шее могут указывать на удушение. Левая ключица сломана, – продолжал он, рукой в резиновой перчатке осторожно поворачивая голову мертвой девушки. – Часть волос выдрана, примерно по одинаковому количеству прядей у каждого виска.

– Тот, кто это сделал, находился у нее за спиной, когда дергал за волосы, – заключила Мосс.

– Признаки сексуального насилия? – спросила Эрика.

– Об этом я скажу после более тщательного осмотра. Есть ссадины и царапины на внутренней стороне бедер, в области ребер и груди…

Айзек обратил внимание следователей на багровые полосы под каждой грудью, затем осторожно положил на тело девушки свою ладонь, показывая следы от пальцев на грудной клетке.

– На запястьях ссадины, – возможно, ей связывали руки, но они не были связаны, когда она ушла под воду. Также есть ушиб на затылке, и мы обнаружили фрагменты зубной эмали на одной из передних свай причала… Остатки зуба ищем. Не исключено, что она его проглотила, – значит, возможно, я найду его позже.

– В день исчезновения на ней были розовые туфли на шпильке и с собой розовая сумочка. Нашли? – спросила Мосс.

– На ней были только платье и нижнее белье, однако бюстгальтер отсутствовал. И туфли тоже… – Айзек осторожно приподнял ноги девушки. – Пятки сильно изранены.

– Тащили волоком босую, – сделала вывод Эрика, отпрянув при виде ступней жертвы, стесанных и разбитых чуть ли не до мяса.

– А вот это один из наших водолазов выудил из воды. – Айзек вручил Эрике маленький прозрачный полиэтиленовый пакет с водительскими правами. С минуту они все молча смотрели на фото.

– Выразительная фотография, – заметил Питерсон. – Как будто она там смотрит на нас с того света.

Эрика подумала, что он прав. Часто на документах взгляд у людей остекленелый или оторопелый, будто им в лицо неожиданно направили свет фар. Однако у Андреа взгляд был уверенный.

– Боже мой, – промолвила Эрика, переводя взгляд с фотографии Андреа на тело мертвой девушки, которая лежала на носилках, грязная, с широко открытыми глазами. – Как скоро вы сумеете установить точную причину смерти?

– Я дал вам достаточно сведений для продолжения расследования. Остальное после вскрытия, – ощетинился Айзек.

– Которое вы проведете сегодня же, – сказала Эрика, остановив на нем твердый взгляд.

– Да. Сегодня, – пообещал Айзек.

??*

Вокруг палатки криминалистов стояла тишь. Снегопад прекратился. Группа полицейских в форме прочесывала территорию вокруг озера, пробираясь по глубокому снегу, налипавшему на их темные ноги.

Эрика вытащила телефон и позвонила Маршу.

– Сэр. Это – Андреа Дуглас-Браун, – доложила она.

Сначала ответом ей было молчание, потом:

– Черт.

– Я сейчас допрошу парня, который ее нашел, затем поеду к ее родителям, сообщу им, – сказала Эрика.

– Какие есть соображения, Фостер?

– Это, вне сомнения, убийство, возможно, изнасилование с удушением или утоплением. Все вещественные доказательства уже отправлены на экспертизу в отделение.

– Подозреваемые есть?

– Нет, сэр. Но я рою землю. Нужно организовать официальное опознание в присутствии родных. Судмедэксперты сразу же с места преступления везут тело на вскрытие. Я буду держать вас в курсе.

– Если б я мог сказать СМИ, что у нас есть подозреваемый… – начал Марш.

– Да, сэр, я понимаю. В первую очередь нам необходимо пообщаться с ее родными. Вполне вероятно, что она знала убийцу. Свидетелей ее исчезновения нет, никто не видел, чтобы ее похитили. Возможно, здесь она встречалась с убийцей.

– Полегче, Фостер. Не надо лезть на рожон, сразу выдвигать версию о том, что Андреа отправилась туда на некую непристойную оргию.

– Я ничего не говорила про посещение непристойных…

– Не забывайте, это уважаемая семья.

– Мне не впервой, сэр.

– Да. Но помните, с кем вы имеете дело.

– Помню. Со скорбящими родственниками. И мне придется задать им традиционные вопросы, сэр.

– Да, но это приказ. Не прите на пролом.

Эрика отключила трубку, злясь на Марша. Что всегда ее возмущало в Британии, так это здешняя классовая система. Марш требовал, чтобы даже при расследовании убийства к родным погибшей девушки относились как к VIP-персонам.

Из палатки вышли Мосс, Питерсон и еще один полицейский в форме, и все вчетвером они, обойдя озеро, вышли к утопленному саду. Видели ли эти пустоглазые статуи, размышляла Эрика, как мимо волокли Андреа, взывавшую о помощи что было мочи?

На отвороте куртки сопровождавшего их полицейского затрещала рация.

– В кустах на Лондон-роуд мы только что нашли маленькую розовую сумочку, – сообщил металлический голос.

– В какой стороне Лондон-роуд? – спросила Эрика.

– Это – центральная улица. – Полицейский показал куда-то за деревья.

После долгих месяцев бездействия Эрика силилась настроить мозг на рабочий лад. Каждый раз, закрывая глаза, она видела в воображении истерзанную, избитую Андреа с пустотой в широко открытых глазах. Расследование убийства – это бездна различных вариаций и тонкостей. На полный осмотр среднестатистического дома у криминалистов порой уходило несколько дней, а здесь площадь места происшествия составляла семнадцать акров, вещественные доказательства были разбросаны по общественной территории, укрыты толстым слоем снега.

– Принесите ее к туристическому центру, к «скорой», – велела Эрика полицейскому, и тот поспешил прочь. Спустя несколько мгновений из-за живой

изгороди появились Мосс и Питерсон. У подножия покатого, занесенного снегом склона высилась футуристическая стеклянная коробка туристического центра. Двор перед зданием центра был исполосован колесами машины «скорой помощи», стоявшей с открытыми задними дверцами. В машине, укутанный в одеяла, сидел парень лет двадцати с небольшим. Лицо у него было посеревшее, сам он дрожал. У открытых дверей «скорой» стояла невысокая женщина, наблюдавшая, как один из криминалистов в резиновых перчатках обрабатывал одежду парня, маркируя и рассовывая по специальным прозрачным пакетам его грязные вещи – теплый спортивный костюм, свитер и кроссовки. Брови у женщины были такие же лохматые, как и у парня, а вот лицо – с кулачок, с заостренными чертами.

– Дайте мне расписку, – требовала она, – и чтобы каждая вещь была указана. Спортивные штаны Ли купил только в ноябре, и кроссовки тоже новые – нам еще платить за них тринадцать недель. Надолго вы забираете его вещи?

– Все это теперь вещественные доказательства в деле об убийстве, – сказала Эрика, когда они подошли к машине «скорой помощи». – Я – старший инспектор Фостер, а это – инспекторы Мосс и Питерсон. – Все трое раскрыли перед женщиной свои удостоверения. Та пристально воззрилась на их фото глазами-бусинками.

– Как вас зовут? – осведомилась Эрика.

– Грейс Кинни. А мой Ли, он ведь ничего плохого не сделал – просто пришел на работу. И из-за того, что ему приходится ждать на холоде, он заболеет, и ему перестанут платить пособие.

– Ли, ты можешь рассказать нам, что произошло?

Парень, бледный, с обезумевшим взглядом, кивнул. Он объяснил, что явился на работу, а потом услышал телефонный звонок, пошел на звук и обнаружил подо льдом тело Андреа. Его рассказ прервал полицейский, возникший у дверей «скорой» с маленькой розовой сумочкой в прозрачном полиэтиленовом пакете. В другом таком же пакете лежало содержимое сумочки: шесть банкнот по пятьдесят фунтов, два вагинальных тампона, тушь, помада и духи-спрей.

– Это вещи той девушки? – спросила Грейс, глядя на пакеты. Полицейский поспешил спрятать их за спину.

– Она уже увидела, – отчитала его Эрика. – Мисс Кинни, – обратилась она к матери Ли. – Вы должны понимать, что это вещественные доказательства в расследовании по весьма деликатному делу, и…

– Не волнуйтесь, я буду держать рот на замке, – пообещала Грейс. – Хотя одному богу известно, что тут забыла девушка с модной сумочкой и пачкой пятидесяток.

– Как вы думаете, что она тут забыла? – осведомилась Эрика.

– Я не собираюсь делать за вас вашу работу, – отвечала Грейс. – Только ведь и так ясно, что она проститутка. Не нужно быть Шерлоком Холмсом, чтобы это понять. Клиента, наверно, с собой привела, а потом у них что-то не заладилось.

– Ли, ты узнал мертвую девушку?

– С какой стати мой Ли должен узнавать проститутку?

– Мы не думаем… мы не думаем, что она была проституткой.

Грейс, казалось, не замечала страданий сына. Ли плотнее укутался в одеяло и наморщил лоб, сдвинув густые брови.

– Она была прекрасна, – тихо произнес он. – Даже мертвая, подо льдом… Ее настигла страшная смерть, да?

Эрика кивнула.

– Я увидел это в ее лице, – сказал Ли. – Простите, что вы спросили?

– Ты узнал ее, Ли? – повторила свой вопрос Эрика. – Видел ее здесь раньше?

– Нет. Прежде я никогда ее не видел, – ответил парень.

– Мы думаем, что в день исчезновения она приходила в один из пабов на центральной улице. Какие из здешних пабов привлекают молодежь? – спросил Питерсон.

Ли пожал плечами.

– По выходным в «Уэзерспунсе» много народу… в «Свинье и свистке». Это недалеко от станции.

– Ты часто наведываешься в пабы, Ли? – осведомился Питерсон. Ли снова пожал плечами, и Питерсон продолжал: – «Уэзерспунс», «Свинья и свисток». Еще какие?

– Он не шастает по злачным местам, правда? – Грейс бросила на сына многозначительный взгляд.

– Да, да. То есть нет. Я в такие места не хожу, – подтвердил Ли.

– Раньше здесь был хороший район, – продолжала Грейс. – Не шикарный, но милый. На месте дрянного старого «Уэзерспунса» стоял чудесный кинотеатр «Одеон». Самые мерзкие – «Клееварка» и «Олень». Я так скажу: если случится всемирный потоп и на поверхности останутся только те две пивнушки, меня вы ни там, ни там не найдете. Они кишат иммигрантами, чтобы им пусто было, – без обид, лапочка, – добавила Грейс, обращаясь к Питерсону. Эрика увидела, что Мосс подавила усмешку.

По-прежнему не замечая плачевного состояния сына, Грейс продолжала:

– Говорю вам, идешь по главной улице и чувствуешь себя иностранкой в родной стране: поляки, румыны, украинцы, русские, индийцы, африканцы… А Ли говорит, что они все толкутся у центра занятости с протянутой рукой, соглашаются на любую работу. Устроили бы рейд по тем пабам на главной улице. Они все там работают за стойкой, а в перерыв бегут в центр занятости, чтобы зарегистрироваться. Но нет, этого никто не видит. Зато моему Ли приходится ишачить на улице в любую погоду сорок часов в неделю, чтобы его не лишили пособия в шестьдесят фунтов. Безобразие.

– Ты давно работаешь в музее? – спросила Эрика парня.

Ли пожал плечами: – Начал за месяц до Рождества.

– Так что же, он теперь и работать не сможет? И все потому, что какая-то шлюха…

– Прекратите, – одернула женщину Эрика.

Грейс, казалось, устыдилась своего поведения.

– Ну да, она ведь тоже чья-то дочь. Вы знаете, кто она?

– Пока не знаем.

Это подстегнуло интерес Грейс.

– Случаем, эта не та девушка, из богатеньких, что пропала? Как ее звали, Ли? Энджела? Она похожа на ту девушку из газеты?

Ли невидящим взглядом смотрел перед собой, вероятно, заново переживая тот момент, когда он вдруг лицом к лицу столкнулся с Андреа, застывшей подо льдом.

– Как я уже сказала, личность жертвы устанавливается. – Эрика обратилась к парню: – Ли, мы свяжемся с центром занятости, объясним, что произошло. Из города не уезжай. Возможно, нам придется еще раз тебя допросить.

– По-вашему, он из страны собрался уехать? – вспылила Грейс. – Эх, если бы была такая возможность… хотя из всех здешних, пожалуй, мы только бы одни и уехали!

Бригада «скорой помощи» собиралась к отъезду; Эрика, Мосс и Питерсон пошли прочь.

– Боевая старушка, – усмехнулась Мосс.

– Зато сообщила нам гораздо больше, чем Ли, – заметила Эрика. – Давайте-ка проверим те пабы. «Клееварку», «Оленя». Может быть, Андреа заходила в один из них в день своего исчезновения?

Глава 6

Когда они вышли с территории музея, снова повалил снег, поэтому они бросили машину и на электричке доехали до Лондон-бридж, где пересели на метро до Чизика. В вагоне было тесно и жарко, им пришлось стоять всю дорогу в плотной толпе. Эрика была зажата между своими новыми коллегами. Худощавая фигура Питерсона являла собой разительный контраст с кряжистой пухлой Мосс, прилипшей к ней с другого бока. Эрика жалела, что не может хотя бы пять минут побыть одна. Ей нужны были пространство, свежий воздух, чтобы собраться с мыслями. За двадцать пять лет службы в полиции она, наверно, сотням людей сообщила о смерти их близких, но с тех пор, как сама потеряла любимого человека, к этой обязанности стала относиться по-другому. Боль утраты все еще была острой. И вот совсем скоро ей придется уведомить о гибели Андреа ее родителей и смотреть, как их поглощает теперь уже знакомое ей горе.

Они вышли на станции «Тернэм-Грин». Снегопад прекратился. В сравнении с южным Лондоном улица Чизик-Хай-роуд была ухожена. На тротуарах и дорогах ни соринки, почтовые ящики подновлены свежей краской, викторианские дома с безукоризненно чистыми подъемными окнами перемежаются мясными лавками и магазинами фермерской продукции. В сияющих банках и супермаркетах царит оживление. Здесь даже снег был белее.

Дом Дуглас-Браунов находился в большом широком глухом переулке, ответвлявшемся от многолюдной центральной улицы. Огромный особняк в георгианском стиле после пескоструйной обработки был очищен от многолетней копоти, и теперь кирпичная кладка имела цвет сливочного масла. Своим величием он затмевал все остальные дома вокруг, хотя был частично спрятан за высокими деревьями, что росли в небольшом сквере в центре переулка. Неподалеку дежурила группа фоторепортеров в теплых зимних куртках. Они бесцельно слонялись, оставляя на снегу дорожки следов. У каждого на шее висел фотоаппарат, в руках дымились стаканчики с кофе. Когда Эрика, Мосс и

Питерсон приблизились к дому Дуглас-Браунов и вошли в ворота, журналисты встрепенулись. Защелкали фотоаппараты, засверкали вспышки, отражавшиеся от глянцевой черной массивной двери особняка. Сделав глубокий вдох, Эрика надавила на кнопку звонка. Из глубины дома донесся звучный мелодичный перезвон.

– Вы из полиции? – крикнул сзади чей-то голос.

– Тот труп – это Энди? – крикнул другой. Эрика на мгновение закрыла глаза, спиной ощущая назойливое присутствие фоторепортеров. Какое они имеют право называть ее Энди? Даже родители не зовут ее так.

Входная дверь отворилась, но лишь частично, и в образовавшемся узком проеме они увидели миниатюрную темноволосую пожилую женщину. Она смотрела на них, рукой прикрывая глаза от вспышек фотокамер, которые защелкали еще быстрее.

– Доброе утро. Нам нужно поговорить с Саймоном и Дианой Дуглас-Браун, – обратилась к ней Эрика, и все трое показали свои удостоверения. Они ожидали, что женщина впустит их в дом, но та продолжала пристально рассматривать полицейских из-под нависших век. В ее черных глазах отражались блики вспышек.

– Вы спрашиваете лорда и леди Дуглас-Браун?

– Да. Это касается исчезновения их дочери Андреа, – тихо произнесла Эрика.

– Я – экономка Дуглас-Браунов, – представилась щуплая женщина. – Пожалуйста, дайте мне ваши удостоверения и ждите здесь, пока я проверю документы. – Она забрала у них удостоверения и закрыла дверь. На ее крашеной панели вновь заплясали блики вспышек.

– Вы можете подтвердить, что ее изнасиловали? – крикнул голос.

– Вы можете подтвердить, что это убийство? – выкрикнул другой. – И, если это так, считаете ли вы, что оно совершено по политическим мотивам?

Эрика искоса глянула на Мосс и Питерсона, и все трое продолжали упорно смотреть в дверь. Секунды шли. Они почти ощущали жар вспышек на своих спинах.

– За кого она нас принимает? Думает, мы хотим раскрутить их на установку пластиковых окон, что ли? – тихо прошипела Мосс.

– В прошлом году лорд Дуглас стал фигурантом скандальной истории со скрытой камерой, – краем рта произнес Питерсон. – News of the World сняла на пленку, как он пытался всучить взятку оборонному подрядчику из Тегерана.

– Фальшивому шейху? – шепотом уточнила Эрика. Она собралась было сказать что-то еще, но тут дверь отворилась, на этот раз шире. Фотокамеры яростно защелкали.

– Да, документы вроде бы в порядке, – сказала маленькая женщина, возвращая им удостоверения. Она жестом пригласила их в дом. Они вошли, и экономка тут же закрыла дверь, отгораживаясь от холода и фоторепортеров.

Узкий коридор переходил в галерею, где устланная ковром элегантная деревянная лестница змейкой обвивала три этажа. Высоко над головой – витражный потолок, отбрасывавший мягкие разноцветные блики на кремовые стены. У подножия лестницы – высокие напольные часы в полированном деревянном корпусе с беззвучно качающимся маятником. Экономка повела их по коридору. Они миновали проход, в который мельком увидели большую кухню из металла и гранита, затем – огромное зеркало в золоченой раме со столь же внушительной вазой со свежими цветами, что стояла под ним, и подошли к дубовой двери. Их завели в кабинет с видом на заснеженный сад.

– Пожалуйста, подождите здесь. – Смерив полицейских пристальным взглядом, экономка вышла из комнаты и закрыла за собой дверь. У окна стоял массивный стол из темного дерева. На его обтянутой кожей поверхности лежал только гладкий серебристый ноутбук. Всю стену по левую сторону занимал книжный шкаф, справа стояли большой кожаный диван со стеганой спинкой и два кресла. Над ними на стене висели в рамках фотографии Саймона Дуглас-Брауна, которого Эрика узнала по снимкам из газет, писавших об исчезновении Андреа. На вид это был невысокий сильный мужчина с пронизывающим взглядом карих глаз.

Фотографии в хронологическом порядке иллюстрировали историю его успехов. На самой ранней, сделанной в 1987 году, когда его компания по разработке технологий была зарегистрирована на Лондонской фондовой бирже, у Саймона еще пышная шевелюра. На последующих, где он запечатлен с королевой, Маргарет Тэтчер, Джоном Мейджором и Тони Блэром, волосы у него постепенно редели. Эрика отметила, что Ее Величество на добрых полголовы выше лорда Дуглас-Брауна. Четыре снимка, на которых он был сфотографирован с Тони Блэром, свидетельствовали о его тесных связях с правительством лейбористов.

Центральное место на стене занимали две фотографии, которые были крупнее, чем остальные. Первая представляла собой парадный портрет Дуглас-Брауна: в горностаевой мантии он стоял на красном ковре на фоне стен, обшитых деревянными панелями. Подпись внизу гласила, что снимок был сделан в тот знаменательный для него день, когда ему пожаловали рыцарское звание и он стал бароном Саймоном Дуглас-Брауном Ханстантонским. На втором фото он был запечатлен в той же величавой позе, но только теперь в обществе супруги, Дианы, в элегантном белом платье, которая в сравнении с ним казалась миниатюрной и хрупкой. С темными длинными волосами, внешне она была похожа на Андреа, но выглядела старше и казалась бледной и утомленной.

– А где находится Ханстантон? – поинтересовалась Эрика.

– На побережье в Норфолке, – ответила Мосс, с невозмутимым видом наклоняясь к фотографии. – Там есть чудесный океанариум.

– Значит, жена его стала леди Дианой, – произнес Питерсон.

– Да, – хмыкнула Мосс. – И ей, похоже, титул тоже счастья не принес!

– Вам смешно? – разозлилась Эрика. – Не припомню я, чтобы тело Андреа, когда его выудили из воды, настраивало на веселый лад.

Мосс с Питерсоном поспешно извинились. Все трое в неловком молчании продолжали рассматривать последнюю из фотографий, на которой лорд и леди Дуглас-Браун были запечатлены с президентом Бараком Обамой и его супругой Мишель. Чета Обама возвышалась над Дуглас-Браунами, у которых от восторга лица расплылись в широченные улыбки. Вне сомнения, за кадром выстроилась длинная вереница лордов, леди, дипломатов, промышленных магнатов и их

тощих жен, с нетерпением ожидавших своей очереди встать перед объективом. Секундная встреча, увековеченная на стене славы.

От созерцания фотографий их отвлекло покашливание. Они повернулись и увидели в дверях кабинета Саймона и Диану Дуглас-Браун. Эрике мгновенно стало стыдно своей предвзятости, ведь два человека, что стояли перед ними с напряженными лицами, были просто-напросто перепуганные родители.

– Пожалуйста, скажите сразу, что случилось. Это Андреа? – умоляющим тоном обратилась к ним Диана. Эрика различила легкий акцент в безупречном английском миссис Дуглас-Браун, такой же, как у нее самой.

– Прошу вас, присядьте, – предложила она.

Увидев их мрачные лица, Диана свое закрыла руками.

– Нет, нет, нет, нет, нет! Это не она. Не моя девочка. Прошу вас, скажите, что это не моя девочка!

Саймон обнял жену одной рукой.

– Как это ни прискорбно, но я вынуждена сообщить, что сегодня утром тело вашей дочери было обнаружено на территории музея имени Хорнимана в южной части Лондона, – сказала Эрика.

– Вы уверены, что это она? – осведомился Саймон.

– Да. На месте происшествия мы нашли водительские права на ее имя и мобильный телефон, зарегистрированный на Андреа, – объяснила Эрика. – Мы делаем все возможное, чтобы установить причину ее смерти, но должна сказать, что умерла она при подозрительных обстоятельствах. Мы считаем, что Андреа убили.

– Убили? – Все так же закрывая ладонями лицо, Диана отстранилась от мужа и грузно опустилась на диван у книжного шкафа. Саймон побледнел, его оливковая кожа приобрела зеленоватый оттенок. – Андреа… убили? – повторила Диана. – Кому понадобилось ее убивать?

– Боюсь, вам придется поехать и официально опознать Андреа, – помедлив, произнесла Эрика.

Снова молчание. Где-то в глубине дома пробили часы. Диана отняла руки от лица и внимательно посмотрела на Эрику.

– Odkial ste? – спросила она.

– Narodila som sa v Nitre, – ответила Эрика.

– Не надо по-словацки, не сейчас. Давайте говорить по-английски, – осадил их Саймон.

– Почему о смерти дочери мне сообщает какая-то женщина из Нитры? – возмутилась Диана, остановив на Эрике взгляд, в котором сквозил вызов.

– Как и вы, в Англии я прожила дольше, чем в Словакии, – объяснила Эрика.

– Не сравнивайте себя со мной! Где другой офицер, тот, что уже был здесь… Спаркс? Я не желаю, чтобы судьба нашей дочери зависела от квалификации какой-то там словачки.

– Миссис Дуглас-Браун. – Эрика почувствовала, как в ней всколыхнулся гнев.

– Леди Дуглас-Браун.

– Я служу в полиции двадцать пять лет, – вскипела Эрика. – Старший инспектор…

– Уверяю вас, мы делаем все возможное, чтобы найти того, кто это сделал, – вмешался Питерсон, взглядом предостерегая Эрику.

Она взяла себя в руки и, вытащив блокнот, открыла его на пустой странице.

– Леди Диана, с вашего позволения, я хотела бы задать вам несколько вопросов?

– Нет. Я не позволяю, – заявил Саймон. Взгляд его темных глаз посуровел. – Неужели вы не видите, что моя жена… что мы… Мне нужно позвонить. Еще раз: откуда вы?

– Нитра находится на западе Словакии, но, как я уже объяснила, в Англии я живу более двадцати лет.

– Меня не интересует ваша биография. Я спрашиваю: вы из столичной полиции?

– Да, мы из отделения полиции Луишем-Роу, – подтвердила Эрика.

– Хорошо. Мне нужно сделать несколько звонков. Прояснить ситуацию. Я общаюсь непосредственно с помощником комиссара Оукли…

– Сэр. Расследование веду я…

– И вместе с комиссаром Клайвом Робинсоном принимал участие в работе нескольких комитетов по координации деятельности с полицией…

– При всем моем уважении, сэр, вы должны понять, что расследование веду я, и мне необходимо задать вам вопросы! – Слишком поздно Эрика осознала, что повысила голос до крика. На несколько мгновений воцарилась тишина.

– Босс, можно вас на пару слов? – обратился к ней Питерсон. Он глянул на Мосс. Та едва заметно кивнула. Эрика почувствовала, что краснеет. – Босс, на пару слов, – настойчиво повторил Питерсон. – Давайте отойдем. – Эрика встала и последовала за ним в коридор. Питерсон закрыл дверь. Эрика прислонилась к стене, пытаясь дышать медленнее.

– Знаю, – сказала она.

– Послушайте, босс, я не собираюсь вам перечить. Согласен, ситуация неприятная, но нельзя проявлять агрессивность по отношению к родителям жертвы. Ведь в данный момент они именно родители. И ничто иное. Пусть порисуется. Мы-то знаем, что будет дальше.

– Да понимаю я все. Черт, – промолвила Эрика. – О, черт…

– Почему мать девушки спросила, где вы жили в Словении?

– В Словакии, – поправила его Эрика. – Среди словаков это довольно распространенная установка. Уроженцы Братиславы считают, что они лучше всех остальных… Полагаю, она как раз оттуда.

– И она считает, что вы ей в подметки не годитесь, – закончил Питерсон. Эрика сделала глубокий вдох и кивнула, пытаясь унять свой гнев.

С другого конца коридора к ним приближались двое мужчин в рабочих комбинезонах, тащивших огромную новогоднюю елку. Эрика с Питерсоном расступились, пропуская их. Елка высохла, местами побурела; с веток, задевавших стены, на толстый сине-зеленый ковер сыпались иголки.

Питерсон как будто хотел сказать что-то еще, но потом передумал, прибегнув к другой тактике.

– Обед давно закончился. А вам, по-моему, не мешает подкрепиться сладеньким, – заметил он, внимательно глядя на бледное лицо Эрики. – Босс, я знаю, что вы босс, но, может, лучше вы уйдете и подождете нас в пабе или в кафе за углом.

– Я пойду извинюсь.

– Босс. Пусть пыль уляжется, ладно? Мы выясним все, что можно, а потом найдем вас.

– Да. Хорошо. Только постарайтесь…

– Я договорюсь, чтобы они пришли на опознание. Да.

– И еще нам нужен ноутбук Андреа… и… Ладно. Постарайтесь добыть все, что можно.

Питерсон кивнул и вернулся в кабинет. Эрика с минуту стояла на месте. Она все испортила и осталась ни с чем.

Эрика собралась было осмотреть дом, но тут снова появилась экономка с нависшими веками.

– Позвольте я вас провожу, – с настойчивостью в голосе сказала она.

По дорожке из осыпавшихся елочных иголок они проследовали к выходу. Когда Эрика шагнула за дверь под вспышки фотокамер, ей пришлось до боли прикусить нижнюю губу, чтобы не расплакаться.

Глава 7

Смеркалось, когда Мосс и Питерсон нашли Эрику в кофейне на Чизик-Хай-роуд. Удрученная, она целый час просидела одна у окна, наблюдая, как угасает день, который для нее выдался ужасно долгим и неудачным. Вообще-то ей было не свойственно поднимать ор и срывать допрос, тем более кричать на родителей жертвы.

Когда Эрика зашла в кафе, там было тихо, но теперь стоял гвалт, посетителей заметно прибавилось: тут и там сидели в одиночестве мужчины и женщины светского вида, компания модных мамочек заставила один угол дорогими детскими прогулочными колясками.

Питерсон и Мосс, купив кофе с бутербродами, подсели за столик к Эрике.

– Спасибо, что выручили. Не знаю, что на меня нашло. Совершенно утратила благоразумие, – смущенно объяснила Эрика.

– Ерунда. – Питерсон достал из пакета бутерброд и откусил от него огромный кусок.

– Диана Дуглас-Браун повела себя неприлично, – заметила Мосс, – хотя, с другой стороны, это был не лучший день в ее жизни, ведь… – Она тоже откусила сэндвич.

– Да, но мне не следовало… Ладно. Что еще вы выяснили? – осведомилась Эрика, дожидаясь, пока Мосс с Питерсоном закончат жевать.

– Саймон с Дианой понятия не имеют, каким ветром Андреа занесло в южный Лондон, – отвечала Мосс. – Она условилась пойти в кино с Дэвидом и Линдой – с братом и сестрой. Те ждали ее у «Одеона» в Хаммерсмите, но она так и не появилась.

– Брат с сестрой были дома?

– Да. Дэвид… он спал наверху. Леди Диана не захотела его будить.

– Будить? – удивилась Эрика. – Ему ведь вроде уже за двадцать?

– Дэвид на ногах с раннего утра, – объяснила Мосс. – Они всю ночь по очереди дежурили у телефонов на тот случай, если Андреа позвонит. Похоже, она и раньше пропадала.

– Когда? У нас есть сведения?

– Нет. Они не заявляли в полицию. Пару лет назад она исчезла без предупреждения на удлиненные выходные[4 - Удлиненные выходные – обычно с пятницы по вторник.]. Оказалось, отправилась во Францию с неким парнем, с которым познакомилась в баре. Вернулась, когда исчерпала лимит по кредитной карте.

– Вы выяснили фамилию парня, с которым она сбежала?

– Да. Некий Карл Майклс, – ответила Мосс. – Он в ту пору был студентом. Никакого криминала. Сексуальный уик-энд с дополнительным бонусом – платиновой Visa Андреа.

– Сестру ее, Линду, видели? – спросила Эрика.

– Она чай принесла. Мы ее приняли за горничную. На Андреа совсем не похожа: невзрачная, полноватая. Работает в цветочном салоне матери, – сказал Питерсон.

– И как она отреагировала на известие? – поинтересовалась Эрика.

– Выронила поднос, хотя… – Мосс запнулась.

– Что? – спросила Эрика, жалея, что ей приходится довольствоваться рассказом из чужих уст.

Мосс посмотрела на Питерсона.

– Как-то неестественно это выглядело, – объяснил он.

– Неестественно? – уточнила Эрика.

– Как игра плохой актрисы. Даже не знаю… Люди по-всякому реагируют, иногда очень странно. У них вся семья какая-то ненормальная, если хотите знать мое мнение.

– Хотя в любой семье есть свои тараканы, – рассудила Мосс. – А если еще в семье есть большие деньги, все проблемы становятся намного острее.

Засигналил телефон. Эрика не сразу сообразила, что это у нее. Она достала свой мобильный, ответила. Звонил Айзек. Он уведомил ее, что из-за плохой погоды они не успевают и результаты вскрытия будут готовы утром.

– А я ведь так хотела, чтобы тело опознали уже сегодня вечером, – посетовала Эрика, кладя трубку.

– Для вас так, может, оно даже и лучше. Глядишь, сэр Саймон остынет до завтра, – заметил Питерсон.

– Он еще что-нибудь сказал? – спросила Эрика.

– Да. Хочет, чтобы расследование снова возглавил Спаркс, – ответила Мосс.

Они продолжали молча жевать. Стемнело. Мимо ползли машины с включенными фарами, освещавшими беспрестанно падающий снег.

Глава 8

Эрика, Мосс и Питерсон прибыли в отделение полиции Луишем-Роу в самом начале восьмого. Они сразу прошли в оперативный отдел, где уже собрались почти все сотрудники следственной группы, которым не терпелось поделиться результатами проделанной за день работы. Эрика скинула с себя длинную кожаную куртку и направилась к демонстрационным экранам в задней части помещения.

– Итак, прошу внимания. Я понимаю, день был долгий, однако что мы имеем?

– Как прошла встреча с родными потерпевшей, старший инспектор Фостер? Как вам сэр Саймон? – с усмешкой полюбопытствовал Спаркс, развалившись на стуле в вальяжной позе.

Дверь словно по сигналу отворилась, и в оперативный отдел заглянул суперинтендант Марш.

– Фостер. На два слова.

– Сэр, я как раз подвожу итоги за день…

– Ладно. Как только закончите, сразу ко мне, – рявкнул он и со стуком закрыл дверь.

– Значит, встреча прошла хорошо, как я понимаю? – съязвил Спаркс. Светящийся монитор его компьютера окрашивал его противную ухмылку в голубоватый цвет. Не отвечая ему, Эрика повернулась к одной из демонстрационных досок, на которой рядом с фотографией Андреа висели фото Линды и Дэвида. Она с интересом отметила, что Андреа и Дэвид внешне очень привлекательны, а вот Линда, походившая на матрону, имела избыточный вес, острый нос и более светлый цвет кожи, чем ее брат и сестра.

– А дети, все трое, от одних и тех же родителей? – спросила Эрика, постучав по доске маркером, чем вызвала недоумение у всего оперативного отдела.

Сержант Крейн в удивлении огляделся.

– Мы полагаем, что да…

– Почему вы так решили? – спросила Эрика.

– Ну, на вид они…

– Аристократичные? – уточнила Эрика. – Всегда помните, что в качестве подозреваемых мы прежде всего рассматриваем членов семьи. Пусть вас не вводит в заблуждение тот факт, что они живут в престижном районе Лондона, имеют влияние и власть. Крейн, узнайте все, что можно, о детях, но, разумеется, действуйте деликатно. Идем дальше. Нам известно, что в минувший четверг, восьмого числа, Андреа должна была встретиться с Дэвидом и Линдой у кинотеатра, но там так и не появилась. Куда она пошла? На встречу с подругой, с тайным возлюбленным? Кто собирал сведения о жизни Андреа?

Со своего места поднялась маленькая индианка лет двадцати пяти.

– Констебль Сингх, – представилась она. Индианка подошла к Эрике, и та отдала ей маркер. – Последние восемь месяцев Андреа встречалась с двадцатисемилетним Джайлзом Осборном. Недавно они обручились. Ему принадлежит компания «Якка-праздники», занимающаяся организацией мероприятий и банкетов премиум-класса. Штаб-квартира в Кенсингтоне.

– «Якка-праздники». Что означает «якка»? – полюбопытствовала Эрика.

– На языке австралийских аборигенов – «работа». На сайте компании говорится, что свой академический отпуск он провел в Австралии.

– Учился у аборигенов подавать канапе и шампанское? – пошутила Эрика. По лицам ее коллег скользнули улыбки.

– Он из богатой семьи. Образование получил в частных учебных заведениях. На тот вечер, когда исчезла Андреа, у него алиби.

– Я уже его допросил, – вставил Спаркс. – Мы выяснили это на прошлой неделе.

– Распечатки звонков с телефона Андреа, записи в соцсетях? Полагаю, вы их запросили?

– Да, – подтвердила Сингх.

– Где они?

– Я над этим работаю. Запросил сегодня утром, надеюсь получить в следующие двадцать четыре часа, – ответил Крейн.

– Почему не запросили раньше, когда в полицию поступило заявление об ее исчезновении? – осведомилась Эрика.

Молчание.

– Побоялись сунуть нос в частную жизнь богатой влиятельной семьи?

– Это было мое распоряжение, – сказал Спаркс. – Родные Андреа тогда еще думали, что она просто сбежала. Они мониторили ее странички в соцсетях и делились информацией с нами.

Эрика закатила глаза.

– Как только получите распечатки, сразу мне на стол. А также то, что удастся снять с жесткого диска ее телефона, – велела она Крейну. – Спаркс, пора бы вам очнуться от зимней спячки. Есть информация по видеокамерам?

Старший инспектор Спаркс откинулся на спинку стула, который под ним скрипнул.

– К сожалению, новости неутешительные. До позавчерашнего дня три видеокамеры на Лондон-роуд не работали. Соответственно у нас нет ничего по привокзальной площади и центральной улице, ведущей к музею Хорнимана. Переулки, разумеется, тоже не охвачены. Так что мы абсолютно слепы относительно того, что происходило там вечером восьмого числа.

– Черт, – выругалась Эрика.

– У нас есть запись с видеокамеры, которая зафиксировала, как она сходит с поезда на станции Форест-Хилл в… – Спаркс пролистал свои записи, – в 9.06 вечера. Сходит с поезда, идет по платформе мимо билетной кассы, там только автоматы. В это же время с ней из метро выходили всего два-три человека.

– Мы можем установить, кто эти люди? Возможно, они шли в том же направлении, что и она.

– Я уже над этим работаю, – закончил Спаркс.

– Поквартирный опрос?

– Ничего не дал, босс, – ответил Крейн, выдвигаясь вперед в своем кресле. – Многие жители либо еще не вернулись с рождественских каникул, либо спали.

– Пабы?

– В «Уэзерспунсе» и «Свинье и свистке» видеокамеры есть, но она ни туда, ни туда не заходила. На центральной улице находятся еще четыре паба.

– Грейс Кинни упомянула два: «Клееварка» и «Олень».

– Мы во всех побывали. Тоже те еще притоны, босс. Правда, никто из персонала ее не вспомнил.

– Проверьте график работы персонала, узнайте, кто из них местные. Снова расспросите. Она была одета нарядно, для выхода в свет. Велика вероятность, что она все-таки наведалась в один из тех пабов.

– А если она шла на частную вечеринку у кого-то в доме? – предположила Сингх.

– Допустим. Тогда что по винным барам? Заходила она в какой-нибудь за сигаретами или спиртным?

– Та же ситуация. В винных барах камеры есть, но запись ведется не непрерывно, и она ни на одной не засветилась, – объяснил Крейн.

– А тот дом, возле которого была найдена ее сумочка?

– Да, номер сорок девять. К сожалению, там тоже ничего. Хозяйка – слабоумная старушка, живет вместе с сиделкой, которая за ней ухаживает. Обе ничего не видели и не слышали.

В комнате повисла напряженная тишина.

– Отпустили бы уже команду, дали народу отдохнуть. Долгий ведь был день, – нарушил молчание Спаркс.

– Да. Все свободны. Завтра жду вас всех в девять. К тому времени мы уже получим результаты вскрытия, а также сведения по телефону и соцсетям.

Эрика попрощалась с подчиненными и, когда осталась одна в оперативном отделе, в тишине повернулась к демонстрационным доскам, остановив взгляд на фотографии Андреа.

– Смотри, ты такая молодая, всего двадцать три. Впереди у тебя была целая жизнь. – Андреа с фотографии отвечала ей дерзким, почти издевательским взглядом.

Зазвонил телефон. Эрика вздрогнула.

– Долго мне вас еще ждать? – рявкнул в трубку Марш.

– Черт. Простите, сэр. Бегу.

Глава 9

– То есть результатов ноль? – возмутился Марш. Побагровевший, он мерил шагами свой кабинет. Эрика только что доложила ему об итогах первого дня расследования.

– Я только сегодня приступила к расследованию, сэр. И, как я сказала, мы установили личность жертвы. Прессу я об этом не оповещала. Думаю, есть один-два паба, в которые Андреа, возможно, наведывалась в вечер исчезновения.

– Возможно, наведывалась. Что это значит?

– Это значит, что из-за отсутствия камер наблюдения на Лондон-роуд и вокруг вокзала вся эта зона для нас – «белое пятно». Нам нужны ресурсы и время, чтобы найти и допросить людей, которые, возможно, что-то видели или слышали. Все работают на износ, тем более что погода не дает разбежаться…

– Какого черта вы вступили в перепалку с Дуглас-Браунами? О чем вы думали?

Стараясь сохранить самообладание, Эрика сделала глубокий вдох.

– Виновата, сэр. Мне следовало вести себя более деликатно с родителями жертвы.

– Вот именно: «следовало». Я надеялся, что леди Диана проникнется к вам доверием, раз вы словачка.

– В этом как раз и проблема. Она сочла, что я простолюдинка. Не мне с моим рылом расследовать убийство.

– Вы пришли в полицию не для того, чтобы перед вами все расшаркивались, старший инспектор Фостер. Надо уметь находить общий язык с населением.

– В том-то и дело. Мы их воспринимаем не как обычных членов общества. У нас что, сэр Саймон руководит расследованием? Во всяком случае, он, видимо, считает, что главный здесь он… И вообще, кто вам рассказал про перепалку? Он

вам позвонил, да? Он знает ваш прямой номер?

– Полегче, старший инспектор Фостер, – заметил Марш. – Вообще-то он позвонил старшему инспектору Спарксу, а тот доложил мне.

– Как любезно с его стороны.

Марш бросил на нее быстрый взгляд.

– Я себя поставил под удар, добиваясь, чтобы вам разрешили вести это дело…

– А ваша жалость, сэр, мне не нужна!

– …и если не будете осторожны, вас отстранят раньше, чем вы успеете что-то начать. Учитесь держать язык за зубами. Я поставил вас на это дело, потому что вы чертовски хороший сыщик. Лучший из всех, кого я знаю. Хотя теперь уже сомневаюсь в своей оценке.

– Простите, сэр. Просто долгий был день – суровые условия, бессонная ночь. Но вы же меня знаете. Я не даю себе поблажки и преступника обязательно вычислю.

– Ладно, – произнес Марш, успокаиваясь. – Но вы должны искренне извиниться перед четой Дуглас-Браун.

– Слушаюсь, сэр.

– И выспитесь как следует. А то видок у вас…

– Спасибо, сэр.

– Где остановились?

– В гостинице.

– Вот и хорошо. Все, бегите, завтра жду вас на работе со свежей головой, – сказал Марш, взмахом руки отсылая ее.

??*

Эрика кипела от злости, покидая кабинет Марша. Злилась потому, что ее отчитали, злилась на себя – за то, что напортачила. Она вернулась в оперативный отдел, взяла куртку. Андреа нагло смотрела на нее с фотографии, висевшей в самом центре демонстрационной доски. Записи, сделанные от руки, расплывались при ярком свете. Эрика потерла усталые глаза. Ей казалось, что она смотрит на все через мутное стекло. Не способна рассмотреть детали. На нее снова накатили усталость и гнев. Она надела куртку и, погасив свет, покинула комнату. Навстречу ей по коридору шел дежурный по отделению сержант Вулф.

– А я к вам. Хотел сказать, что машину для вас подготовили. Синий «Форд Мондео», – доложил он, вручая ей брелок с ключами. Его лицо с отвисшим подбородком сейчас было еще угрюмее, чем утром.

– Спасибо, – поблагодарила Эрика, забирая ключи. Они направились к выходу. Вулф старался подстроиться под ее шаг.

– Правда, ваши вещи я не положил в багажник. Несколько лет назад мне делали операцию на спине. Удаляли межпозвоночный диск. Чемодан за моим столом…

Они вышли в приемную, где худая замызганная женщина, склонившись над столом Вулфа, звонила по его телефону. На ней были грязные драные джинсы и старая длинная куртка с капюшоном, вся в пятнах, в дырках от сигарет. Ее длинные седые волосы были стянуты в хвост аптечной резинкой, под глазами – темные круги. Рядом с ней топтались две неопрятные маленькие девочки. Они визгливо кричали, подбадривая остриженного под «ежик» маленького мальчика в грязных белых спортивных штанах. Тот сидел верхом на чемодане Эрики и, одной рукой держась за ручку, второй размахивая в воздухе, подпрыгивал на нем, словно объезжая мустанга. Вулф поспешно прошел за свой стол и пальцем надавил на рычаг, прерывая звонок.

– Блин, я же разговаривала! – с негодованием оскалилась на него женщина, обнажив полный рот кривых коричневых зубов.

– Айви, это служебный телефон, – урезонил ее Вулф.

– Ну и что? Последние десять минут он не звонил. Считай, тебе повезло, у преступников перерыв!

– Кому ты хочешь позвонить? Я наберу, – сказал Вулф.

– Я умею пользоваться телефоном!

– Кто эта женщина? – спросила Эрика.

Айви отвела трубку подальше от Вулфа и смерила Эрику оценивающим взглядом с ног до головы.

– Мы с Мордастиком давние знакомые, да, Мордастик? Я зову его Мордастиком. Уродина он, да?

– Ну-ка слезай с моего чемодана, – велела Эрика мальчику, которому на вид было лет семь-восемь, не больше. Тот, не обращая на нее внимания, продолжал с улюлюканьем подпрыгивать на чемодане. Вулф принялся отнимать у Айви телефонную трубку, и в конце концов ему это удалось.

– Я имею право звонить с этого телефона. Я же на местный номер звоню. И к тому же я плачу тебе зарплату!

– Каким это образом? – усмехнулся Вулф.

– У меня есть деньги. Я плачу налоги, а ты получаешь зарплату из моих налогов!

Эрика попыталась снять мальчика со своего чемодана, но тот, наклонившись, впился зубами в тыльную сторону ее ладони. Она оторопела от неожиданности и резкой боли.

– Сейчас же отпусти, – сказала Эрика, силясь сохранять хладнокровие. Мальчик глянул на нее со злобной улыбкой и еще глубже вонзил зубы в ее ладонь. Руку прострелила острая боль, и Эрика, не выдержав, отвесила ему подзатыльник.

Вскрикнув, мальчик выпустил руку Эрики и с глухим стуком свалился на пол с чемодана.

– Ты кто такая, чтобы руки распускать, черт возьми?! – взревела Айви, бросаясь к ней.

Эрика попыталась увернуться, но оказалась прижатой к стене. Вулф поймал Айви как раз в тот момент, когда перед лицом Эрики сверкнуло длинное лезвие ножа.

– Айви, остынь… – начал он, схватив ее за подмышки и силясь оттащить от Эрики.

– Не указывай мне, вонючий жирдяй! – угрожающе прорычала Айви. – А ты, гадина, только тронь еще раз моих детей, всю рожу твою исполосую! Мне терять нечего!

Видя, что острие ножа на дюйм приблизилось к ее лицу, Эрика пыталась контролировать свое дыхание.

– Брось нож. Брось, – настаивал Вулф, наконец-то стиснув запястье Айви так, что она выпустила из руки свое оружие. Пружинный нож со стуком упал на пол, и Вулф придавил его ногой.

– Больно же, Мордастик, – сказала Айви, потирая запястье. Не спуская с нее глаз, Вулф нагнулся и поднял с пола нож. Нащупал на нем маленькую кнопку, и лезвие исчезло в рукоятке. Мальчик и девочки перестали хулиганить и притихнув, стали обычными детьми. Казалось, они больше боялись того, что собиралась сделать Айви. Эрика даже представить не могла, как они живут. Она остановила взгляд на мальчике. Тот держался за голову.

– Прости, прости, пожалуйста… Как тебя зовут?

Он отпрянул от нее. Что она могла ему сказать? Что у нее был тяжелый день? Эрика внимательно посмотрела на детей – грязные, тощие…

– Я хочу подать жалобу, – со смаком заявила Айви.

– Неужели? – фыркнул Вулф, подталкивая Айви к выходу.

– Да. Жестокость полиции… убери от меня руки… жестокость полиции по отношению к малолетним.

– В таком случае тебе придется заполнить заявление, – сказал Вулф. – После того как проведешь ночь в камере за нападение с ножом на офицера полиции.

Айви прищурилась.

– Нет, у меня нет времени… Дети, за мной. БЫСТРО! – Она напоследок взглянула на Эрику и вместе с детьми вышла на улицу. В окне, мимо которого они проходили, мелькнули их куртки.

– Черт, – произнесла Эрика. Потирая укус на руке, она осела на стол. – Нельзя было бить ребенка.

На ее коже виднелись глубокие ребристые бело-лиловые вмятины от зубов, в которых проступившая кровь смешивалась со слюной мальчика. Вулф подошел к ящику с пометкой «Добровольно сданное холодное оружие» и убрал в него пружинный нож Айви. Потом обошел стол, достал аптечку, поставил ее рядом с Эрикой и откинул крышку.

– Вы ее знаете? – спросила Эрика.

– О да. Айви Норрис, она же Джин Макардл, Бет Кросби – иногда называет себя Полетт О’Брайан. Своего рода местная знаменитость. – Вулф смочил в спиртовом растворе стерильный тампон и прижал его к месту укуса на руке Эрики. Успокаивающий запах ментола позволял не так остро ощущать неприятное жжение. – Наркоманка со стажем, проститутка, – продолжал Вулф, – в общем, «послужной список» длиной с Великую китайскую стену. Работала в паре с дочерью, – если вы понимаете, о чем я, – пока дочь не скончалась от передозировки.

– А отцы детей?

– Вообще-то они ей внуки. Да кто их знает? Ткните пальцем в телефонный справочник – не ошибетесь.

Вулф выбросил грязный тампон, взял чистый и принялся обрабатывать кровоточащий укус.

– Они бездомные?

Вулф кивнул.

– Нельзя ли их поместить в какой-нибудь приют, в ночлежку с завтраком? – спросила Эрика. В окно она видела Айви. Та стояла у парковки под ярким фонарем, курила и разглагольствовала сама с собой. Дети жались к ней, вздрагивая каждый раз, когда она размахивала руками.

Вулф мрачно рассмеялся.

– Почти все приюты и ночлежки уже отказываются ее принимать. Слишком назойливо навязывает свои услуги.

Он убрал с руки Эрики марлевый тампон и залепил рану большим квадратом бактерицидного пластыря.

– Спасибо, – поблагодарила его Эрика, разминая пальцы.

Вулф стал укладывать медикаменты в аптечку.

– Я вот что вам скажу. Укус нужно показать врачу. Пусть сделают укол от столбняка, а то знаете… уличные дети… в них ведь какой только заразы нет.

– Да, – согласилась Эрика.

– И мне придется составить протокол. Внести в него все, что случилось. Она угрожала вам ножом. Он вас укусил…

– Да, а я его ударила. Ударила несчастного ребенка, черт бы меня побрал… Ничего. Выполняйте свою работу. И… спасибо вам.

Вулф кивнул, снова сел за стол и занялся оформлением документов. Эрика посмотрела в окно, но Айви с детьми уже исчезла.

Глава 10

На улице свирепствовал лютый холод. Центральный вход отделения полиции Луишем-Роу был освещен, но парковка утопала в темноте. Длинные ряды заиндевелых машин слабо поблескивали в свете уличных фонарей, за ними виднелся неиссякаемый поток автотранспорта, медленно катившего по дороге. Эрика все еще ощущала пульсацию в руке. Она направила ключ-брелок влево, щелкнула им. Потом вправо, снова щелкнула. Машина на дальнем краю парковки дважды прорезала темноту оранжевыми пучками света. Чертыхнувшись, Эрика поплелась к ней, волоча за собой чемодан по глубокому снегу.

Она положила вещи в багажник и села за руль. В салоне было зябко, но чувствовалось, что здесь все новое. Эрика завела мотор и заблокировала двери через центральный замок. Когда машина чуть прогрелась, она выехала с парковочного места и медленно покатила к выходу.

Айви стояла на тротуаре, обнимая детей. Те жались к ней, безудержно дрожа. Эрика притормозила возле них и опустила стекло машины.

– Вам куда, Айви? – спросила она. Айви повернулась. Ветер подхватил прядь ее длинных седых волос и прижал к лицу.

– Тебе какое дело? – огрызнулась она.

– Могу подвезти.

– Думаешь, мы сядем в машину к чувырле, которая лупит детей?

– Простите. Я была сама не своя. День выдался тяжелый.

– День у нее выдался тяжелый! Пожила бы ты, как я, милочка, – фыркнула Айви.

– Я отвезу вас, куда скажете, да и дети погреются, – пообещала Эрика, заметив, что из-под тонких платьишек девочек торчат голые ноги.

Айви прищурилась.

– А что взамен?

– Просто садитесь в машину, – сказала Эрика, доставая двадцатифунтовую купюру. Айви хотела взять деньги, но Эрика отвела руку с двадцаткой. – Получите, когда я вас высажу, при условии, что вы не будете кидаться с ножами и кусаться.

Айви глянула на мальчика, тот послушно кивнул.

– Ладно. – Она открыла заднюю дверцу, и дети, забравшись в машину, расползлись по заднему сиденью. Айви, сев рядом с Эрикой, издала безобразный выдох с протяжным присвистом. Близость Айви пугала Эрику, но она проглотила свой страх.

– Пристегнитесь, – велела Эрика, подумав, что ей будет спокойнее, если они все будут пристегнуты.

– Ага. Не станем же мы закон нарушать, – рассмеялась Айви. Она набросила на себя ремень безопасности, щелкнул замок.

– Куда вас отвезти?

– В Кэтфорд, – ответила Айви. Эрика достала телефон, вывела на экран навигатор.

– Блин, ну ты даешь! – воскликнула Айви. – Я покажу. Давай налево.

Автомобиль плавно катил по дороге, на ветровом стекле мерцали блики уличных фонарей, и вся их необычная компания – Айви, ее внуки, Эрика – погрузилась в молчание. Как ни странно, в этой тишине ехать было вполне комфортно.

– А что, дети у тебя есть? – спросила вдруг Айви.

– Нет, – ответила Эрика. Снег залеплял ветровое стекло, и она включила дворники.

– Лесби, что ли?

– Нет.

– А-а, мне все равно. Я против лесби ничего не имею. С лесби иногда приятно выпить, да и рукастые они, мастерят хорошо… Знаешь, я однажды попробовала. Не понравилось.

– Что? Мастерить? – пошутила Эрика.

– Очень смешно. Кстати, я подумываю о том, чтобы снова заделаться лесби. Деньги придется делить, но меня уже тошнит от членов.

Эрика посмотрела на нее.

– Ой, только не надо так зыркать, лапочка. Ты же не думаешь, что я работала в Marks&Spenser?

– Где вы живете? – спросила Эрика.

– С какой стати я должна сообщать тебе свой адрес? – Айви рванулась к ней, но застегнутый ремень безопасности удержал ее на месте.

– Полегче… Вы же только что сказали, что вас «тошнит от членов». Я подумала, не будет невежливо, если я спрошу у вас адрес.

– Ты давай не умничай. Знаю я тебя. Любишь свою работу, да? А друзья есть? – Ответом ей было молчание. – Так я и думала. Днюешь и ночуешь на работе, да? Мать родную продашь… Здесь налево.

Эрика включила поворотник и повернула.

– Я нигде не живу… сейчас, – произнесла она, прикинув, что можно немного рассказать о себе. – У меня недавно умер муж, я уезжала и…

– И свихнулась, да?

– Нет, но была близка к тому, – ответила Эрика.

– Моего мужа зарезали. Давно уже. Истек кровью прямо у меня на руках… Здесь направо. Но теперь-то у тебя все в порядке, да? Работа хорошая. Я тоже могла бы служить в полиции или еще где получше, – усмехнулась Айви.

– Значит, вы хорошо знаете этот район? – спросила Эрика.

– Да. Всю жизнь здесь обитаю.

– Какие бары порекомендуете?

– Какие бары порекомендуете? – передразнила она Эрику.

– Ну хорошо, какие бары вы знаете?

– Все. Я же сказала: я тут сто лет живу. Видела, как заведения открывались и закрывались. Самые дурные дольше всех существуют.

Они миновали театр «Кэтфордский Бродвей» с освещенным фасадом, на котором все еще висела афиша рождественского представления.

– Высади нас здесь, – указала Айви.

Кэтфорд-Хай-стрит была пустынна. Эрика затормозила у пешеходного перехода, рядом с букмекерской конторой «Лэдброукс» и отделением банка «Галифакс».

– Здесь нет жилых домов, – заметила Эрика.

– Я же сказала: у меня нет дома!

– Где же вы ночуете?

– Все, некогда мне болтать. Давай, буди их, – рявкнула Айви мальчику. Эрика глянула в зеркало заднего обзора. Девочки спали, склонив головы друг к другу. Мальчик, белый, как полотно, таращился на нее.

– Прости, что я тебя ударила, – извинилась Эрика. Его лицо оставалось безучастным.

– Забудь. Просто дай мне денег и все, – сказала Айви, отстегивая ремень безопасности и открывая дверцу машины. Эрика порылась в куртке и вытащила двадцатку. Айви взяла купюру, сунула ее куда-то в складки своей парки.

– Айви, пока вы не ушли, скажите, что вам известно про пабы в Форест-Хилл. Про «Оленя»?

– Там стриптизерша одна работает. За кружку фунтовых монет сделает что угодно, – ответила Айви.

– А «Клееварка»? – спросила Эрика.

Айви напряглась, переменилась в лице, выпучила глаза.

– Про это место я ничего не знаю, – хрипло произнесла она.

– Вы же говорили, что знаете все бары в округе. Ну же, расскажите мне про «Клееварку».

– Я там не бываю, – прошептала Айви. – И мне ничего не известно, поняла?

– Почему не бываете?

Айви молчала, глядя на Эрику. Потом добавила:

– Ты показала бы свою руку врачу. Малыш Майк… у него ВИЧ…

Айви вылезла из машины, хлопнула дверцей и вместе с детьми, которые плелись за ней, исчезла между магазинами. Пораженная реакцией Айви на упоминание «Клееварки», Эрика не обратила внимания на ее последние слова. Она быстро открыла дверцу со своей стороны и последовала за ними к какому-то темному переулку. Присмотрелась, но так и не смогла различить их во мраке.

– Айви! – крикнула Эрика. – Почему вы там не бываете? Что вы имели в виду?

Она пошла по переулку, свет уличных фонарей за ее спиной быстро померк. Под ногами она ощущала что-то мягкое и хлюпающее.

– Айви. Я дам вам денег, только скажите, что вам известно…

Эрика достала телефон, включила фонарик. Весь переулок был устлан использованными шприцами, презервативами, разорванными упаковками и ценниками.

– Я расследую убийство, – продолжала она. – Ту девушку последний раз видели в «Клееварке»…

Ее голос эхом разносился по переулку. Ответа не было. Эрика дошла до проволочного ограждения с металлическими зубцами по верху. В высоту оно достигало десяти футов. За забором Эрика различила какой-то жалкий двор с брошенными канистрами. Она огляделась, пробормотала себе под нос:

– Куда, черт возьми, они подевались?

Эрика повернула обратно, но по пути к дороге не увидела ни одного бокового прохода: по обеим сторонам высились только кирпичные стены зданий.

Дверца машины, когда она добралась до нее, все еще была распахнута. Тихо мяукал сигнал тревоги. Бросив взгляд вокруг, Эрика села за руль. Неужели они ей привиделись? Несколько секунд она переживала, что последние события – Айви, дети – были игрой ее воображения, но потом почувствовала пульсирующую боль в руке, увидев налепленный на укус пластырь.

Она быстро заблокировала двери и машина с визгом рванула с места. В крови гудел адреналин. Очень странно Айви отреагировала на «Клееварку», размышляла Эрика. Женщина была напугана. Почему?

Ей было плевать на поздний час, на то, что она вторые сутки на ногах. Эрика решила во что бы то ни стало наведаться в тот паб.

Глава 11

Эрика вернулась в Форест-Хилл и припарковалась за две улицы до центральной, в тихом жилом квартале. Нужный ей паб, двухэтажное кирпичное здание с фасадом винного цвета, находился на середине главной улицы. Название «Клееварка» было выведено белой краской. Хвостик последней «а» переходил в рисунок кисти, зависшей над котлом с белым клеем. Вывеска, одновременно глупая и бессмысленная, раздражала Эрику. Она увидела четыре окна, по два на каждом этаже, с толстыми каменными карнизами. В окнах верхнего этажа было темно. Из двух нижних одно заколочено, второе тускло светилось за тюлевой занавеской.

Несмотря на холод, дверь была распахнута. Рекламное объявление на ней гласило, что если заказать два бокала домашнего вина, то, что останется в бутылке, нальют бесплатно. Эрика вошла и увидела, что в бар ведет еще одна дверь с армированным стеклом, которое было все в трещинах.

В баре почти никого не было. Только два молодых парня сидели и курили за одним из множества столиков с покрытием из «формайки»[5 - «Формайка» – фирменное название прочного жаростойкого пластика одноименной компании; часто используется для покрытия кухонной мебели.]. Они глянули на Эрику, обратив внимание на ее длинные ноги, когда она проходила мимо, и снова уткнулись в свои бокалы с пивом. С одной стороны находилась маленькая

танцплощадка, на которой громоздились наставленные один на другой старые стулья. Из колонок звучала передача Magic FM – начало песни Careless Whisper[6 - Careless Whisper (букв. в переводе с англ. «Неосторожный шепот») – первый сольный хит британского певца Джорджа Майкла (1963–2016), участника поп-дуэта Wham! Песня выпущена в 1984 г.]. Эрика направилась в глубь бара, к длинной низкой стойке, над которой висели бокалы. Сидевшая за стойкой коренастая девушка смотрела по крошечному портативному телевизору реалити-шоу «Большой брат» с участием знаменитостей.

– Двойную водку с тоником, пожалуйста, – заказала Эрика.

Не отрывая глаз от экрана, барменша неуклюже приподнялась, сняла с подвесного держателя бокал для вина и поставила его под оптический дозатор. На ней была застиранная футболка с символикой концертного турне Кайли Миноуг под названием Showgirl, которая обтягивала полноватую фигуру девушки, едва не лопаясь на ее пышной груди. Она поправила сзади футболку, ниже натянув ее на свой широкий зад.

– Ищете место домработницы? Няни? – спросила барменша, очевидно, уловив слабый акцент Эрики. Эрика тоже различила в ее речи нотки иноязычного выговора. Кто она: полька, русская? Эрика затруднялась определить. Барменша снова поставила бокал под дозатор.

– Да, – ответила Эрика, решив подыграть. Девушка взяла пластиковую бутылку с тоником, наполнила им винный бокал до краев и поставила напиток на стойку, затем пододвинула к Эрике бланк объявления и шариковую ручку.

– За двадцать фунтов можете повесить свое объявление на доску. Новые объявления забирают каждый четверг. С вас двадцать три пятьдесят – за это и водку, – сказала она.

Эрика заплатила и села, глотнув из бокала. Коктейль был теплый и выдохшийся.

– Почему мужа не послали? – полюбопытствовала барменша, наблюдая за тем, что пишет Эрика.

– Да ну, напьется еще!

Девушка кивнула с понимающей усмешкой. Эрика подошла к висевшей на стене возле стойки пробковой доске, на которую показала девушка. Она была обклеена сотнями объявлений, налепленных одно на другое. Все написаны от руки – по-словацки, по-польски, по-русски, по-румынски; во всех заявители предлагали услуги в строительстве, уходу за детьми или по ведению хозяйства.

– Здесь всегда так спокойно? – спросила Эрика, обводя взглядом пустой бар.

– Январь, – пожала плечами барменша, вытирая поднос старой тряпкой. – И футбол не показывают.

– Моя подруга нашла место домработницы, оставив тут объявление, – объяснила Эрика, возвращаясь на свой табурет. – К вам много женщин заглядывает? Девушек, которым нужна работа?

– Бывает.

– Подруга сказала, что у вас я могу встретить одну девушку, которая искала работу?

Барменша перестала вытирать поднос и пристально посмотрела на Эрику. Та снова пригубила бокал, затем достала свой телефон, нашла в нем фотографию Андреа и показала барменше.

– Вот она.

– Никогда не видела, – произнесла девушка слишком поспешно.

– Правда? А подруга утверждает, что она была здесь всего несколько дней назад…

– Я ее не видела. – Барменша подняла проволочный поднос, наполовину заставленный пустыми бокалами, собираясь уйти.

– Я еще не закончила, – сказала Эрика, кладя на стойку свое удостоверение.

Барменша помедлила и поставила поднос на место. Повернувшись, она увидела полицейское удостоверение, и в ее лице отразилась паника.

– Не бойся. Мне просто нужно, чтобы ты ответила на мои вопросы. Как тебя зовут?

– Кристина.

– Кристина…?

– Просто Кристина.

– Ну хорошо, просто Кристина. Спрашиваю еще раз: ты видела здесь эту девушку?

Барменша взглянула на фотографию Андреа в телефоне и замотала головой, да так яростно, что у нее затряслись щеки.

– Ты работала здесь вечером восьмого? Это был четверг, чуть больше недели назад.

Девушка подумала и снова покачала головой.

– Точно? Сегодня ее нашли мертвой.

Барменша закусила губу.

– Это твое заведение?

– Нет.

– Просто работаешь здесь?

– Да.

– Кто хозяйка или хозяин?

Кристина пожала плечами.

– Не дури, Кристина. Это я легко выясню через пивоварню. Вон парни у вас сидят здесь дымят, несмотря на запрет. Знаешь, какой штраф придется заплатить? Тысячи фунтов. У вас здесь нелегальное бюро по трудоустройству. Ты только что взяла с меня двадцать фунтов за объявление. Один звонок, и через пять минут здесь будет бригада полицейских. И ты понесешь ответственность…

Кристина расплакалась. Ее необъятная грудь вздымалась, лицо раскраснелось. Уголком полотенца она терла свои маленькие глазки-бусинки.

– Просто ответь мне на пару вопросов, – сказала Эрика. – И я позабочусь, чтобы к тебе не было претензий.

Кристина перестала плакать и перевела дух.

– Успокойся… Все нормально, Кристина. Ничего плохого не случится. А теперь взгляни еще раз на фото. Ты видела здесь эту девушку вечером восьмого числа? В прошлый четверг. Ее похитили и убили. Расскажи, что знаешь, и ты поможешь мне найти убийцу.

Опухшими глазами барменша посмотрела на фото Андреа.

– Она сидела там, в углу, – наконец заговорила она. Эрика повернулась и увидела столик у танцплощадки. Она также отметила, что парни, которые потягивали пиво, ушли, оставив недопитые кружки.

– Ты уверена, что там была именно эта девушка? – Эрика снова показала Кристине фотографию на телефоне.

– Да. Красивая такая. Я помню.

– Она сидела одна? Или с кем-то встречалась?

Кристина кивнула.

– С ней была молодая женщина. Короткие светлые волосы.

– Короткие, как у меня? – уточнила Эрика.

Барменша кивнула.

– Что еще?

– Они выпили по бокалу, может, по два, не знаю. Народу было много в тот вечер… и… и…

Эрика видела, что Кристина все больше волнуется и дрожит от страха.

– Продолжай, Кристина. Все будет хорошо, я обещаю.

– Потом она ушла… ее подруга – я не заметила, в какой момент. Но когда я снова туда посмотрела, с ней уже сидел мужчина.

– Как он выглядел?

Барменша пожала плечами.

– Высокий, темный… Они ругались.

– Что значит «высокий, темный»? Можно чуть поконкретнее? – попросила Эрика, пытаясь скрыть досаду. Это был настоящий прорыв, но Кристина отделывалась неопределенными фразами. Эрика приняла решение и взялась за телефон.

– Кристина, я хочу, чтобы ты поехала со мной в отделение и составила так называемые фотороботы женщины и мужчины, которых ты видела вместе с Андреа.

– Нет, нет, нет, нет. – Кристина попятилась.

Эрика набрала номер дежурного по отделению полиции Луишем-Роу. Пошел вызов.

– Твоя информация поможет нам найти того, кто убил эту женщину, Андреа.

– Но я на работе… и…

– Я вызову группу сюда. Сделаем это прямо сейчас. – Дежурный ответил. – Старший инспектор Эрика Фостер. Пришлите группу в паб «Клееварка» на Лондон-роуд в Форест-Хилл и полицейский автомобиль заодно. Да, и еще. Сегодня есть дежурный эксперт, который мог бы составить фоторобот?

Какое-то движение. Эрика сообразила, что Кристина метнулась в дверь за стойкой бара.

– Черт! Подождите. Я перезвоню. – Эрика перемахнула через стойку, выскочила в дверной проем и оказалась в грязной маленькой кухне. Дверь, что вела на улицу, была распахнута. Она ступила за порог. В обоих направлениях тянулась длинная узкая улица. Сыпал мелкий снег. Было неестественно тихо.

Эрика прошла по улице в обе стороны. Дома, выходившие на нее, обволакивала темнота; дороги, с которыми улица сочленялась с обоих концов, тоже были пустынны. Вовсю валил снег, между домами завывал ветер. Стараясь защититься от колючего холода, Эрика плотнее закуталась в куртку.

Она не могла избавиться от ощущения, что за ней наблюдают.

Глава 12

В «Клееварку» прибыли двое полицейских, но тщательные поиски ни к чему не привели. Кристина исчезла. Квартира над пабом, заваленная мусором и старой сломанной мебелью, оказалась нежилой. В полночь полицейские посоветовали Эрике ехать домой и поспать. Они пообещали, что останутся в пабе и на рассвете примутся за поиски владельца заведения. А если Кристина вернется, они отвезут ее в отделение.

Эрикой по-прежнему владел страх, когда она возвращалась к машине, припаркованной за несколько улиц от паба. В окружавшем ее безмолвии слышался малейший шорох; ветер, гулявший между домами, свистел особенно пронзительно; китайские колокольчики на крыльце какого-то дома звякали слишком громко… Она почти кожей ощущала на себе все тот же взгляд, следивший за ней из черных окон стоявших вокруг домов.

Краем глаза Эрика заметила, как в одном из них мелькнула тень. Она резко повернулась. Никого. Просто темный эркер. Неужели за ней кто-то наблюдает из темноты? Эрика осознала, что изнемогает от усталости. Она решила, что заселится в первый попавшийся отель. Эрика открыла машину, села за руль, изнутри запершись на все замки, устроилась поудобнее в комфортном кресле, откинувшись назад, и закрыла глаза.

Захудалая улица в Рочдейле. Нестерпимо знойный день. Защитное полицейское снаряжение липнет к телу Эрики. Она неловко поменяла положение, притаившись у низкой стены стандартного домика ленточной застройки, что грозно высится над ней на жаре. Рядом два офицера полиции, еще трое – по другую сторону главного входа. Среди них – Марк. Второй по счету.

Этот дом, за которым они вели наблюдение несколько недель, впечатался в ее сознание. Вместо палисадника голый бетон, переполненные мусорные баки на колесиках. На стене счетчики на газ и электроэнергию с отодранными крышками. Как войдешь через главный вход, сразу надо вверх по лестнице. Слева от нее дверь, что ведет в дальнюю комнату. Именно там производят метамфетамин. Недавно в дом вошла женщина с маленьким ребенком. Риск большой, но они готовы. Своей команде из восьми человек Эрика вдолбила ход операции до мельчайших подробностей. Но теперь они на месте. И опасность реальная. Страх сковывал Эрику, но она упорно боролась с ним.

Кивком подала сигнал, и ее команда в черном, пригибаясь, ринулась к главному входу. Солнце отражалось от вращающегося диска счетчика. Бум, бум… как грохот стенобитного орудия. С третьего удара дерево затрещало, и входная дверь с громким клацаньем рухнула в дом.

А потом началось светопреставление.

Выстрелы. Окно над электросчетчиком взорвалось, влетело внутрь. Стреляли из дома напротив. Эрика резко обернулась. Милый домик на противоположной стороне улицы. Подъемные окна. Медная табличка с номером на двери. Стены внутри декорированы красками компании Farrow & Ball. Проживавшая там чета вела себя так приветливо, так скромно, когда полиция вела наблюдение.

Взгляд Эрики падает на их окно верхнего этажа, и ей все становится ясно. Она видит темный силуэт, потом шею разрывает боль, во рту – вкус крови. Марк вдруг возле нее опускается на колени, чтобы помочь ей. Она пытается его предупредить: «Берегись, сзади…», – но в горле булькает кровь. Даже смешно. Потом выстрел, и часть головы Марка превращается в месиво…

Эрика очнулась с судорожным вздохом, хватая ртом воздух. Вокруг – какая-то неестественная гнетущая яркость. Она протяжно выдохнула. И, только увидев перед собой руль, сообразила, где находится. Она в настоящем. Сидит в машине. Свежевыпавший снег почти полностью залепил окна.

Это ей снилось не впервые. И сон всегда обрывался на одном и том же месте. Порой во сне всё было в черно-белых тонах, и кровь Марка походила на расплавленный шоколад.

Эрика постаралась дышать размеренно, сердце постепенно успокаивалось, окружавшая ее действительность возвращалась. Она услышала приглушенные голоса и шаги: мимо ее автомобиля шли люди. Голоса зазвучали громче, а затем стали удаляться, затихая.

Она глянула на часы на приборной доске. Почти пять утра. Она проспала несколько часов, но отдохнувшей себя не чувствовала. Эрика поменяла положение в кресле: тело затекло и окоченело. Она завела мотор. Из печки повеяло ледяным холодом.

Когда в салоне потеплело, Эрика включила дворники на ветровом стекле. Вскоре за окном проступила белая дорога, запорошенная свежим слоем снега. Заметив пластырь на руке, Эрика вспомнила, что нужно показать рану врачу, однако события минувшего вечера еще не позволяли отвлечься от расследования.

Андреа была в том пабе… Кто те женщина и мужчина, с которыми она разговаривала? И почему исчезла барменша?

Теперь, когда Эрика четко составила план дальнейших действий, ей стало легче. Она тронулась с места и поехала в отделение полиции.

Глава 13

В половине шестого утра в отделении полиции Луишем-Роу было тихо. Лишь из глубины коридора, оттуда, где находились камеры, доносился стук. В женской раздевалке еще пусто. Эрика сняла с себя грязную одежду, прошла в огромную общественную душевую и включила обжигающе горячую воду – только-только можно терпеть. Она встала под душ, наслаждаясь теплом. Вокруг поднимался пар, в котором вскоре исчезла выложенная кафелем душевая в викторианском стиле, а вместе с ней и сама Эрика.

К шести, одетая во все чистое, со стаканчиком кофе и плиткой шоколада из автомата она стояла в пустом оперативном отделе. Со стены на нее смотрела с непревзойденной самоуверенностью во взгляде Андреа Дуглас-Браун.

Эрика села за отведенный для нее стол, ввела свой пароль и вошла во внутреннюю сеть. Восемь месяцев она не заглядывала в свою служебную электронную почту не по доброй воле – ее лишили доступа. Сейчас, просматривая почту, она увидела сообщения от своих бывших коллег, информационные бюллетени, рекламную корреспонденцию и уведомление об официальном слушании, на котором ей полагалось присутствовать. Эрика едва не расхохоталась: ее приглашали на дисциплинарную комиссию по системе внутренней связи, в которую у нее не было доступа.

«Мышкой» она выделила все старые письма и нажала на «удалить».

В почте осталось только одно сообщение, присланное накануне вечером сержантом Крейном:

«Во вложении вся переписка Андреа на Фейсбуке за 2007–2014 гг., а также распечатка звонков с ее телефона, найденного на месте преступления.

КРЕЙН»

Эрика открыла вложенный файл и отправила на «печать». Спустя мгновения принтер у двери ожил, зажужжал, быстро выплевывая бумагу. Эрика взяла кипу распечатанных листов и отправилась в столовую, надеясь, что та открыта и ей там удастся выпить приличный кофе. В столовой было темно. Она нашла стул в глубине зала, включила свет и принялась просматривать историю общения Андреа Дуглас-Браун в Фейсбуке.

Вся жизнь Андреа помещалась на 217 страницах и охватывала почти девять лет, показывая превращение из четырнадцатилетнего подростка с румянцем на щеках в двадцатитрехлетнюю соблазнительную диву. На ранних постах она представала вполне скромной молодой женщиной, но с появлением в ее жизни парней Андреа начала одеваться более провокационно.

Посты, которые она семь лет размещала на своей страничке в Фейсбуке, представляли собой бесконечную череду снимков с вечеринок и селфи. Сотни фотографий, на которых она запечатлена в обществе красивых парней и девушек, почти всегда разных. По-видимому, Андреа была тусовщицей, завсегдатаем самых элитных светских мероприятий. Клубы, в которые она часто наведывалась, входили в ту категорию, где столики нужно заказывать заранее, да и сами столы на фотографиях были заставлены бутылками шампанского.

Все эти годы старшая сестра и младший брат Андреа редко заходили на ее страничку в Фейсбуке. За все время Линда, да и Дэвид тоже, кажется, лайкали всего несколько постов, имевших отношение ко всей их семье. Это были фотографии, сделанные во время ежегодного отдыха Дуглас-Браунов в Греции и в более поздние годы – на вилле в Дубровнике.

Как раз отпускные фотографии и вызвали у Эрики наибольший интерес. Семья ежегодно ездила в отпуск на три недели в августе, и эти отпуска проходили по одной и той же схеме. В первые дни Андреа выкладывала семейные снимки – групповые фото, на которых ее семья либо ужинала в каком-нибудь дорогом ресторане, либо обедала прямо в купальных костюмах возле пляжного домика.

На этих дневных трапезах Андреа всегда в бикини, в эффектной позе – грациозно ест, свесив волосы через одно плечо. Линда, в отличие от младшей сестры, горбится над тарелкой, полной еды, и вид у нее чуть раздраженный от того, что ей не дают спокойно поесть. С каждым годом Линда, казалось, прибавляла в весе, пряча свои телеса под длинными футболками с леггинсами. Дэвид же из невероятно тощего тринадцатилетнего паренька в очках, жмущегося к матери, постепенно трансформировался в красивого молодого человека.

Андреа, по-видимому, была более близка с Дэвидом: на многих фотографиях она крепко обнимает брата, перекособочив очки на его лице. Снимков Линды с Дэвидом фактически не было. Сэр Саймон и леди Диана на фотографиях о себе ничего не выдавали: из года в год на их лицах все те же широкие улыбки. Вот леди Диана в купальнике и юбке-саронг. Вот сэр Саймон в мешковатых пляжных шортах, слишком высоко натянутых на его волосатый живот.

На отдыхе Андреа быстро теряла интерес к времяпрепровождению в кругу семьи и постепенно выкладывала снимки местных парней. На первых порах как будто украдкой. Вот компания парней, которые курят или с обнаженными торсами играют в футбол на пляже, не подозревая, что их снимают. Потом Андреа сосредоточивалась на каком-то одном парне и всю последнюю неделю отдыха, словно одержимая, щелкала только его. Ей явно нравились «плохие парни»: более взрослые, смуглые, мускулистые, с татуировками и пирсингом. На одной фотографии, сделанной в 2009 году, Андреа в очень откровенном бикини позировала, сидя на огромном «Харли Дэвидсоне», изображая мотоциклистку. А за спиной у нее сидел темноволосый парень, предположительно хозяин байка, которого на минуту пересадили на заднее сиденье. Одна его ладонь лежала на ее трусиках. В руке он держал сигарету, едва не касаясь горящим кончиком загорелой кожи девушки. А Андреа смотрела в объектив с явным вызовом.

Эрика записала на полях: «Кто фотографировал?».

Открылась раздаточная, в столовую на завтрак хлынули полицейские еще с полусонными глазами, но Эрика едва ли обратила на это внимание. Она продолжала читать, поглощенная жизнью Андреа.

В 2012 году у нее появилась новая подруга – девушка по имени Барбора Кардошова.

«Словацкое имя»? – пометила Эрика на полях.

Красивая брюнетка, как и Андреа, Барбора, по-видимому, быстро с ней сблизилась и даже ездила с ее семьей на отдых в 2012 и 2013 годах. Вероятно, в Барборе Андреа нашла партнершу по «охоте на парней». Правда, теперь, они вели охоту более виртуозными способами, фотографируясь с разными темноволосыми мачо в дорогих ночных клубах или в не менее дорогих соляриях.

По-видимому, Андреа по-настоящему привязалась к Барборе, проводила с ней время и в домашней обстановке. На таких фотографиях Андрея была без макияжа и не столь усердно «работала» на камеру. Без своей «боевой раскраски» она выглядела гораздо симпатичнее, дурачась и резвясь с искренней улыбкой на лице. На одной фотографии девушки позировали бок о бок перед зеркалом, одетые в свитера до колен, которые им были велики. В «бабушкиных» свитерах. На свитере Барборы были вывязаны котята, гоняющиеся за шерстяным клубком; на свитере Андреа – огромный рыжий котяра, почивающий в корзине. В верхнем углу зеркала отразилась вспышка фотокамеры телефона. Сестра Андреа, Линда, под снимком написала: «Убирайся из моей комнаты, трахнутая корова!».

Андреа комментарий понравился, и она рядом с ним поместила улыбающуюся рожицу.

Затем в конце 2013 года Барбора вдруг исчезла без всяких объяснений и вычеркнула Андреа из списка своих «друзей». Эрика вернулась к уже просмотренным страницам, проверяя, что она пропустила. Но с того времени Барбора больше не появлялась ни на одном фото. И даже лайком не отметила ни один пост. А еще где-то через полгода, в июне 2014-го, Андреа закрыла свою страничку в Фейсбуке без всякого объяснения, без каких-либо намеков своим друзьям на то, что она намерена выйти из соцсети.

Эрика переключила внимание на распечатки телефонных звонков. Эта информация оказалась менее эпатажной и объемной. Крейн сделал примечания к номерам. Андреа регулярно звонила своему жениху Джайлзу Осборну по субботам в местное китайское кафе, торгующее едой «на вынос»; и в те же семь суббот перед Рождеством – в студию телепередачи «Х-фактор», отдавая свой голос за того или иного участника. В числе остальных ее контактов были члены семьи, цветочный салон ее матери в Кенсингтоне и секретарь отца. В вечер своего исчезновения по этому телефону Андреа никуда не звонила, хотя

телефон нашли неподалеку от нее на месте преступления. Распечатки телефонных звонков охватывали период в восемь месяцев, начиная лишь с июня 2014 года.

Раздался звон бьющейся посуды: кто-то уронил на каменный пол чашку. Подняв голову, Эрика увидела, что уже рассвело и столовая заполняется народом. Она глянула на часы: без десяти девять. Не желая опаздывать на оперативное совещание, Эрика собрала в стопку листы и покинула столовую. В коридоре она наткнулась на суперинтенданта Марша.

– Я читал протокол вчерашнего происшествия, – сказал он, вскидывая брови.

– Да, сэр. Я все объясню. У меня появилась хорошая зацепка.

– Поконкретнее?

– На совещании расскажу. – Они как раз подошли к оперативному отделу. Открыв дверь, Эрика увидела, что команда уже в сборе, сидит на своих местах. При ее появлении все умолкли.

– Итак. Всем доброе утро. Начну с того, что сержанту Крейну удалось вытащить полную историю общения Андреа на Фейсбуке, а также достать распечатки звонков с ее телефона. Быстро сработано. Отлично. Андреа весьма активно общалась в соцсети, но в июне прошлого года удалила свою страничку. История ее разговоров по телефону начинается лишь с июня 2014 года. Почему? Она поменяла телефон?

– В июне прошлого года она познакомилась с Джайлзом Осборном, – подал голос старший инспектор Спаркс.

– Совершенно верно. Но почему она в это же время поменяла телефон и ушла из соцсети?

– Возможно, решила перевернуть ту страницу своей жизни, – предположила Сингх. – Некоторые мужчины ревнуют своих возлюбленных к их бывшим и к прошлому.

– На Фейсбуке она явно заводила знакомства с мужиками, а когда обручилась, необходимость отпала, – рассудил Спаркс.

– А ее телефонные звонки… как будто робот разговаривал. То есть вы утверждаете, что, встретив мужчину своей мечты, она поставила крест на своей жизни? Что у нее отпала потребность в широком общении?

– Я этого не говорил, – возразил Спаркс.

– Нет. Но что-то здесь нечисто. Она никому не звонила в вечер своего исчезновения. Давайте покопаем. Найдите ее старый телефон, достаньте распечатки звонков с него и выясните, был ли у нее второй телефон, о котором нам неизвестно. Также узнайте все, что можно, о девушке по имени Барбора Кардошова. Произносится «Кардош-ова». Она тесно дружила с Андреа в 2012–2013 годах, а потом исчезла. Они поссорились? Где она теперь? Мы можем ее допросить? Проверьте. Найдите ее. А также бывших бойфрендов Андреа. Она не была обделена мужским вниманием. Попробуйте глубже покопаться.

– Только аккуратно, – добавил Марш из глубины комнаты.

– Минувшим вечером я наведалась в паб «Клееварка», – продолжала Эрика. – Барменша по имени Кристина подтвердила, что Андреа была там в вечер исчезновения. По ее словам, она беседовала с блондинкой, у которой была короткая стрижка, а потом – с темноволосым мужчиной.

– Вы намерены вызвать сюда эту Кристину, чтобы она составила фотороботы? – спросил Спаркс.

– Она до смерти испугалась, когда я ей это предложила.

– Как ее фамилия? – допытывался Спаркс.

– Я не успела выяснить…

Спаркс фыркнул, кивая головой.

– Еще одна женщина, с которой я беседовала, Айви Норрис…

– Боже, – перебил Эрику Спаркс. – Айви Норрис верить вообще нельзя, ни одному слову. Эта старая кошелка только и знает что трепаться да смутьянить.

– Да, но Айви Норрис отреагировала очень странно, когда я упомянула «Клееварку». Она была напугана. Теперь я хочу, чтобы вы узнали об этом пабе все. Найдите барменшу, допросите владельца. Уверена, здесь есть какая-то связь с убийством Андреа, и мы должны ее установить, и как можно скорее, пока ниточка не оборвалась.

– Старший инспектор Фостер. Можно вас на два слова? – попросил Марш.

– Да, сэр… Мосс и Питерсон, вы сегодня со мной. Заберем результаты вскрытия и проведем процедуру официального опознания тела в присутствии Дуглас-Браунов.

В оперативном отделе мгновенно поднялись гомон и деловая суета. Эрика последовала за Маршем в его кабинет. Она закрыла дверь и села напротив него.

– Дуглас-Брауны придут на официальное опознание сегодня?

– Да. В половине одиннадцатого.

– Как раз в это время мы выступим с официальным заявлением. Коллин, наша пресс-секретарь, очень толковая. Мы, конечно, особо подчеркнем, что совершено убийство ни в чем не повинной девушки. Однако нужно быть готовым к тому, что пресса усмотрит в этом политическую подоплеку, – удрученно заключил Марш.

– Что ж, им нужно, чтобы их газеты раскупались, – сказала Эрика. Повисла пауза, Марш барабанил пальцами по столу.

– Хотелось бы знать, под каким углом вы ведете расследование, – наконец произнес он.

– Я ищу убийцу, сэр.

– Не умничайте.

– Ну вы же присутствовали на оперативном совещании, сами все слышали. Эта свидетельница, Кристина, видела Андреа в «Клееварке» в тот вечер, когда она пропала. Утверждает, что она разговаривала с белокурой женщиной и темноволосым мужчиной. Я ищу этих людей.

– И где же она сейчас? Эта Кристина?

– Сбежала. Других подробностей я выяснить не успела.

– Она поняла, что вы из полиции?

– Да.

– А вы не думаете, что она «узнала» Андреа в одной из посетительниц бара из каких-то своих соображений?

– Как это?

– Послушайте, Эрика. Она, как пить дать, нелегальная иммигрантка, до ужаса боится, что ее депортируют. Она вам подтвердила бы, что и Элвиса видела у музыкального автомата, если бы думала, что это спасет ее задницу.

– Нет, сэр, думаю, это ниточка. Да и другая женщина, Айви Норрис… Ее реакция на «Клееварку»…

– Я читал вчерашний рапорт дежурного, Эрика. В нем сказано, что вы ударили внука Айви Норрис и она бросилась на вас с ножом.

– Да, мальчик укусил меня, и я не сдержалась. Но речь не об этом. Сэр, Айви Норрис знает этот район, и тот паб чем-то ее пугает.

– Вам известно, что в прошлом месяце в «Приюте бродяги» в Сиднэме были обезглавлены четыре человека? Туда она тоже вряд ли пойдет.

– Сэр!

– С меня спрашивает помощник комиссара; я должен докладывать о ходе расследования сотруднику аппарата правительства, чтобы ему пусто было. Они требуют гарантий того, что неприглядные или неподтвержденные факты, касающиеся семьи Дуглас-Браун, не будут обнародованы и не попадут в СМИ.

– СМИ я не контролирую. Информацию им не сливаю. И вы это знаете, сэр.

– Да, но мне нужно, чтобы вы…

– Сэр, я должна делать свою работу. Не надо ходить вокруг да около. Вы хотите сказать, что есть вещи, которые я не вправе расследовать?

– Нет! – поморщился Марш.

– Тогда что вы хотите сказать?

– Я хочу сказать, чтобы вы придерживались фактов. Мы давно подозреваем, что «Клееварка» действует как подпольная биржа труда для нелегальных иммигрантов и служит местом сбора проституток. Нужны конкретные факты, прежде чем вы начнете говорить, что Андреа Дуглас-Браун находилась там в день своего исчезновения.

– А если я найду барменшу, заставлю ее составить фотороботы и запротоколирую ее показания?

– Что ж, флаг вам в руки. Только она уже наверняка в какой-нибудь фуре мчится в Кале!

– Сэр! Андреа зафиксировали камеры видеонаблюдения. Она действительно в вечер своего исчезновения села в поезд, следовавший в Форест-Хилл, и ее тело обнаружили неподалеку от центральной улицы. Черт, разве это не говорит о том, что я, возможно, права?

– Ладно, – буркнул Марш с недовольством в лице. – Только не прите буром, деликатно ведите расследование. Пресса следит за нами.

– Я буду сама деликатность, сэр.

– И держите меня в курсе. Докладывайте о каждом шаге. Ясно?

– Да, сэр.

Марш бросил на Эрику суровый взгляд, и она покинула его кабинет.

Глава 14

Морг, казалось, выщелачивал то немногое тепло, что еще оставалось в теле Эрики, когда они шли по длинному коридору, где горели лампы дневного света. У одной из железных дверей они остановились, Мосс позвонила, и судмедэксперт Айзек Стронг их впустил.

– Доброе утро, – тихо поздоровался Айзек, всем своим видом излучая ауру спокойствия и порядка. Белый лабораторный халат, под которым пряталась его рослая фигура, безукоризненно чистый и отглаженный; из верхнего кармана выглядывал мобильный телефон в темном кожаном чехле. На Айзеке были черные узкие джинсы и кроксы. Свои темные волосы он зачесал назад, обнажив высокий лоб. Эрика снова обратила внимание на его теплые карие глаза под почти прямыми бровями. Секционный зал представлял собой дурманящее сочетание металла и викторианской мозаично-керамической плитки. Вдоль одной стены – ряд дверей из нержавеющей стали; в центре помещения – три секционных стола, тоже из нержавейки, со стоками по краям. Андреа Дуглас-Браун лежала под белой простыней на столе, который был ближе остальных к двери. Ее глаза теперь были закрыты, волосы вымыты и аккуратно убраны со лба. Синяки потемнели, но отечность лица еще оставалась. Эрика надеялась – ради семьи Андреа, – что мертвая девушка будет выглядеть спящей, но, несмотря на все усилия привести ее в надлежащий вид, было заметно, что она изувечена.

Айзек обошел секционный стол и осторожно откинул простыню. Помимо синяков и рваных ран, покрывавших голое тело Андреа, на туловище теперь еще появился и ядреный аккуратный шов от Y-образного разреза, который начинался от передней части каждого плеча, сходился в одну точку в области грудины и затем меж ее полными грудями опускался до пупка.

– Жидкости в легких нет, значит, в воду она попала уже мертвой, – начал Айзек. – Лед воспрепятствовал разложению, но, судя по обесцвеченному тону кожи, тело довольно долго находилось в воде. Странгуляционные борозды на шее и сломанная ключица указывают на то, что смерть наступила в результате удушения. Как я и предполагал, синяки на шее свидетельствуют о том, что ее задушил человек с рукой среднего размера без каких-либо особых примет вроде отсутствующих пальцев.

Айзек помолчал.

– Результаты токсикологической экспертизы говорят о наличии в крови довольно большого количества алкоголя и небольшого количества кокаина. К моменту смерти она не ела несколько часов: желудок пустой, не считая сломанного зуба, который она, вероятно, машинально проглотила, когда на нее было совершено нападение.

Айзек взял маленький пластиковый контейнер со сломанным зубом и поднес его к свету.

– На губах и зубах я обнаружил следы клейкого химического вещества, которое присутствует в составе покрытия на многих видах маскировочной ленты.

– Значит, ей залепляли рот? – спросила Эрика.

– Все указывает на это. Признаков того, что над ней было совершено сексуальное насилие, нет. Однако незадолго до смерти она занималась анальным сексом, причем по доброй воле. Я обследовал анальное отверстие на наличие семени и крови – таковых выявлено не было. Зато обнаружены следы латекса и небольшое количество лубриканта.

– Она использовала презерватив? – спросила Эрика.

– Презерватив использовал тот, с кем она занималась анальным сексом, – поправил ее Айзек.

– Но почему вы уверены, что анальный половой акт был совершен по взаимному согласию?

Возникла неловкая пауза.

– Половой акт с проникновением по согласию и без – это две большие разницы, – начал объяснять Айзек. – При половом акте по согласию тело обычно находится в расслабленном состоянии. Насильственный половой акт зачастую сопряжен с сильным стрессом, паникой и противодействием, что, в свою очередь, может привести к кровоподтекам и ссадинам на внутренних тканях. В данном случае никаких повреждений слизистой прямой кишки не выявлено. Конечно, не исключено, что совокупление с жертвой произошло уже после наступления смерти.

– Боже, только не это, – произнесла Эрика. – Надеюсь, что нет.

– Это возможно, да, но маловероятно. Судя по всему, нападение было яростным, исступленным. Убийца набросился на нее как зверь. На обоих висках у нее выдраны волосы. Хватило бы ему силы воли и самоконтроля, чтобы остановиться и надеть презерватив?

– На месте происшествия нашли презервативы? – спросила Эрика.

– Презервативы валялись на всей территории вокруг эллинга и озера. Мы все их собрали и взяли на экспертизу, но на ее проведение требуется время.

Они с минуту помолчали.

– Думаете, Андреа была из тех девушек, которые занимаются подобным – анальным сексом? – спросил Питерсон.

– Пожалуй, это несколько категоричный вопрос, – заметил Айзек.

– Ну, можно соблюдать политкорректность, а можно называть вещи своими именами. Анальным сексом занимаются женщины определенного типа, разве нет? – спросил Питерсон.

– Мне не нравятся такие рассуждения, – сказала Эрика.

– Но мы не можем не принимать это в расчет, – возразил Питерсон.

– То есть, по-твоему, задницу любят подставлять только распущенные женщины. Те, кто подвергает себя опасности? – спросила Мосс.

– Думаете, это был «уличный» секс, который вышел из-под контроля? – спросила Эрика у Айзека.

– Как я уже говорил, в мои обязанности не входит строить гипотезы относительно характера той или иной жертвы. Когда они попадают ко мне на стол, я должен дать заключение относительно причин их смерти. А здесь мы видим, что руки у нее были связаны кабельной стяжкой, которая довольно глубоко врезалась в кожу. Ноги тоже были связаны. На лодыжке левой ноги имеется нитевидная трещина.

– Это были не сексуальные забавы на свежем воздухе, которые зашли слишком далеко. Ее похитили, – сказала Эрика. – На ней вообще было обнаружено ДНК другого человека?

– Если что и было, вода смыла, пока она находилась подо льдом, – ответил Айзек.

??*

После ознакомления с результатами аутопсии у них оставалось еще несколько минут до прибытия Дуглас-Браунов, которым предстояло официально опознать тело Андреа. Мосс и Питерсон, воспользовавшись коротким перерывом, решили устроить перекур. Они позвали с собой и Эрику, и она, неожиданно для себя, приняла их приглашение, хотя давно бросила курить. Они стояли у пожарного выхода, глядя на тыл автомастерской. Внутри они видели длинный ряд гаражей, а в них – приподнятые над полом машины и рабочих, копошившихся под ними в освещенных ямах.

За свою жизнь Эрике пришлось расследовать столько преступлений, связанных с изнасилованием и убийствами, что все и не упомнить. Пока они все трое молча дымили сигаретами, она смотрела на мужчин, работавших напротив. Все они были молоды и сильны. Насколько близок среднестатистический мужчина к тому, чтобы стать насильником и убийцей женщин? Как часто он сдерживается? Сколько преступлений ему сходит с рук?

– Ключ к разгадке – сама Андреа. Возможно, ее убил кто-то из знакомых, – размышляла Эрика. Выдыхая в холодный воздух сигаретный дым, она испытывала давно позабытое ощущение бурления никотина в крови.

– Думаете, ее заманили в музей или она пошла по доброй воле? – спросил Питерсон.

– Фактов очень мало. Чужого ДНК нет. Камеры видеонаблюдения не работали.

– Может, это специально было подстроено? – предположила Мосс. – С камерами. И это сделал кто-то из их окружения? Тот, кто затаил злобу на сэра Саймона или на его семью?

– Ненадежные камеры видеонаблюдения – результат сокращения бюджетных расходов. И если бы это было профессиональное похищение с целью убийства, зачем тогда оставлять на месте преступления ее телефон и документ, удостоверяющий личность? Ерунда какая-то, – рассудил Питерсон.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Музей имени Ф. Дж. Хорнимана – старейший и крупнейший этнографический музей в Великобритании, основанный в 1901 г. известным коллекционером Ф. Дж. Хорниманом. В настоящее время его собрание насчитывает около 350 тыс. экспонатов. В саду музея собрана огромная коллекция самых разнообразных

растений. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Утопленный сад – зона в саду или в парке, которая располагается ниже уровня садового горизонта, то есть «утоплена» по сравнению с окружающим ландшафтом. По внешнему периметру утопленный сад обрамляют живой изгородью, внутри оформляют пышными цветниками, максимально подчеркивая линии перепада высот.

3

Фэнтези-футбол – игра, в которой участники формируют виртуальную команду футболистов, чьи прототипы принимают участие в реальных соревнованиях и в зависимости от актуальной статистики своих выступлений набирают зачетные баллы. Как правило, эти футболисты должны играть в одном дивизионе определенной страны, но существует и много других вариантов. Впервые концепция фэнтези-футбола была представлена широкой публике в 1991 г. британской компанией Fantasy League Ltd. Национальную известность игра приобрела в ходе первого сезона (1992/1993) английской премьер-лиги. В наши дни благодаря широкому доступу в Интернет фэнтези-футбол превратился из незамысловатого развлечения в серьезный бизнес.

4

Удлиненные выходные – обычно с пятницы по вторник.

5

«Формайка» – фирменное название прочного жаростойкого пластика одноименной компании; часто используется для покрытия кухонной мебели.

6

Careless Whisper (букв. в переводе с англ. «Неосторожный шепот») – первый сольный хит британского певца Джорджа Майкла (1963–2016), участника поп-дуэта Wham! Песня выпущена в 1984 г.

Купить: https://tellnovel.com/bryndza_robert/devushka-vo-l-du

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити